

О Д Н А   И С Т О Р И Я   Л Ю Б В И

ВИСЕНТЕ
БЛАСКО-ИБАНЬЕС

КУРТИЗАНКА
СОННИКА

Одна история любви (Вече)

Висенте Бласко-Ибаньес

Куртизанка Сонника

«ВЕЧЕ»

1900

УДК 821.134.2-311.6
ББК 84(4 Исп)

Бласко-Ибаньес В.

Куртизанка Сонника / В. Бласко-Ибаньес — «ВЕЧЕ»,
1900 — (Одна история любви (Вече))

ISBN 978-5-4484-5498-1

219 год до н.э. Известная афинская куртизанка, решив стать порядочной женщиной, переехала из Афин на край света — в далекий город Сагунт, где о ней никто не слышал. Чтобы порвать с прошлым, она даже сменила имя. Теперь ее зовут Сонника. Но прошлое не отпускает, а жители Сагунта по отношению к ней разделились на два лагеря. Одни хвалят Соннику за помощь бедным и почитание богов, а другие уверены, что она развращает местную молодежь. Тем временем в Сагунте появляется грек по имени Актеон — воин и искатель приключений. Он не предубежден против куртизанок. Между ним и Сонникой вспыхивает чувство. Однако им придется бороться за свою любовь, ведь на город надвигается опасность. Карфагенский полководец Ганнибал жаждет отомстить Риму за поражение Карфагена в Первой Пунической войне и нападает на Сагунт, который является союзником Рима. Суждено ли Соннике и ее возлюбленному быть вместе? Или им суждено вместе умереть, сражаясь с врагом?

УДК 821.134.2-311.6

ББК 84(4 Исп)

ISBN 978-5-4484-5498-1

© Бласко-Ибаньес В., 1900

© ВЕЧЕ, 1900

Содержание

Глава I. Храм Афродиты	6
Глава II. Город	26
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Висенте Бласко-Ибаньес

Куртизанка Сонника

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Глава I. Храм Афродиты

Когда корабль славного Полианто, сагунтского¹ капитана, приблизился к родной гавани, то моряки и рыбаки, привычные зорким взглядом преодолевать морские дали, тотчас же узнали знакомый огненно-рыжий парус и деревянную фигуру богини Победы с распростертыми крыльями и венком в правой руке, занимающую часть носа судна и омывающую свои ноги в волнах.

– Это же корабль Полианто! Это «Победоносный». Он возвращается из Гадеса² и Нового Карфагена³.

И чтобы лучше видеть, все кинулись гурьбой к каменным перилам, которыми были отгорожены три гавани сагунтского порта, соединенные с морем посредством длинного канала.

Низменная и болотистая местность, покрытая осокой и ползучими водными растениями, тянулась вплоть до Сукронского залива, замыкающего горизонт своим голубым поясом, на котором, точно мухи, скользили рыбацьи лодчонки.

Корабль медленно приближался к входу в порт. Парус огненного цвета трепетал от легкого дыхания ветерка, но не надувался, поэтому по каждому борту пришел в движение тройной ряд весел, досадливо рассекая морскую пену у входа в канал.

Сгущались сумерки. На прилегающем к порту холме храм Афродиты, также называемый храмом Венеры, отражал в полированных поверхностях своего фасада пламя угасающего солнца. Золотистая атмосфера окутывала колоннаду и стены голубого мрамора, словно властитель дня, удаляясь, прощался поцелуем света с богиней морских вод. Цепь темных гор, покрытых соснами и кустарником, образовывала исполинский полукруг, обращенный к морю, и охватывала плодородную сагунтскую долину, ее белые виллы, одинокие возвышенности и деревеньки, раскинувшиеся среди зеленой массы полей.

На краю горного хребта, кажущегося расплывчатым в туманной дали, там, где горы больше всего отстояли от моря, виднелся город, древний Зазинто, он же Сагунт, с группами домов, оттесненных крепостными стенами и башнями к подножию крутого склона. На вершине же возвышался Акрополь⁴ и циклопические оборонительные стены, над которыми вздымались кровли храмов и общественных зданий.

В порту тем временем кипела работа. В большой гавани два корабля из Марсилио⁵ загружались вином. Корабль из Либурнии⁶ запасался сагунтскими грузами и сушеными винными ягодами для сбыта их в Риме, а галера из Карфагена забирала в свою утробу крупные слитки серебра, добытого в копиях Кельтиберии⁷.

Остальные корабли с собранными парусами и рядами опущенных весел, свисающих по бортам, оставались неподвижно у пристани, словно большие спящие птицы. Они лишь слегка покачивали своими носами, похожими на головы крокодилов или лошадей, которые были в обычае у флота в Александрии Египетской. Некоторые же вместо крокодилей или лошадиной головы демонстрировали фигуру страшного красного карлика, похожего на того, который

---

¹ Сагунт – торговая колония, основанная древними греками. Располагалась на юге современной Испании, на берегу Средиземного моря. В настоящее время – испанский город Сагунто.

² Гадес – современный Кадис, город на юго-западе Испании. Расположен на полуострове, на берегу Кадисской бухты Атлантического океана.

³ Новый Карфаген – древний город, основанный карфагенянами в Испании. Сейчас это город Картахена.

⁴ Акрополь – дословно с греч. «верхний город», наиболее укрепленная часть поселения.

⁵ Марсилио – древнегреческая колония Массалия. На ее месте находится современный Марсель.

⁶ Либурния – в древности местность, занимавшая западную часть нынешней Хорватии и север Далмации.

⁷ Кельтиберия – древнее название северо-восточной части плоскогорья современной Испании и части Португалии.

украшал корабль легендарного финикийца Кадма во время его удивительных путешествий по морям.

Рабы, согнутые под тяжестью амфор, тюков и слитков металла, без всякой одежды, кроме набедренной повязки и белой шляпы, с напряженными и вспотевшими телами, проходили в непрерывном движении по деревянным трапам, тянувшимся от пристани к кораблям, и переносили в утробы судов товары, сложенные на набережной.

Посреди большой центральной гавани возвышалась башня, охраняющая вход в порт, – могучее сооружение, погружающее свои плиты в водную глубину. Тут же покачивался военный корабль, пришвартованный у башенных стен, имевших металлические кольца специально для таких случаев. Этот тип судна назывался *либурна*. Оно отличалось высокой кормой, головой барана на носу, большим четырехугольным парусом, сейчас свернутым, и зубчатой деревянной башенкой у мачты, а по каждому борту располагался ряд щитов морских воинов – *классияр*. Это был римский корабль, которому завтра на рассвете следовало увезти послов, присланных великой Республикой для умиротворения распрей, волновавших Сагунт.

Во второй гавани, тихом водном пространстве, где строились и чинились суда, стучали по доскам колотушки конопатчиков. Точно больные чудовища, виднелись лежащие на берегу галеры, без мачт, с дырами-ранами на боках, через которые можно было видеть их крепкие ребра и черноту их нутра. В третьей гавани, самой маленькой и с грязными водами, мокли рыбацьи челноки, а также стаями парили чайки, опускаясь к воде, чтобы поживиться тем, что плавало на ее гладкой поверхности. На берегу сновали женщины, старики и дети, ожидая прибытия из Сукронского залива лодок с рыбой, которую ловцы продавали ближайшим жителям Кельтиберии.

Прибытие сагунтского корабля отвлекло от своего дела весь портовой люд. Рабы работали медленно, видя, что их надсмотрщики заняты наблюдением за подходом судна, и даже мирные горожане, сидящие на молу с удочками в руках и стремящиеся поймать жирных угрей, обитающих в гавани, забыли про рыбную ловлю, следя взглядом за приближением «Победоносного». Он уже находился в канале. Корпус корабля не был виден, мачта двигалась поверх тростников.

Повсюду царил вечерняя тишина, нарушаемая монотонным кваканьем бесчисленных лягушек, живущих в болотистой местности, и чириканьем птиц, которые перепархивали с ветки на ветку на оливковых деревьях подле святилища Афродиты.

Портовый люд притих, следя за ходом корабля Полианто. «Победоносный» миновал второй изгиб канала. В большой гавани показалось золоченое изображение богини на носовой части и первые весла, громадные красные лапы, рассекающие с такой силой гладкую поверхность воды, что на ней вздымалась пена.

Многочисленная толпа, среди которой волновались семьи моряков, разразилась криками восторга при входе корабля в порт.

– Привет тебе, Полианто! Добро пожаловать, сын Афродиты!.. Да осыплет тебя милостями Сонника, твоя госпожа!

Голые загорелые ребята кидались с головой в воду гавани, плавая вокруг корабля, точно скопище маленьких тритонов.

Все восхваляли своего соотечественника, преувеличивая его достоинства: никто никогда не погибал на его корабле, и богачка Сонника может гордиться своим вольноотпущенником.

На передней части корабля штурман, неподвижный, как статуя, следил напряженным взглядом за ходом судна, чтобы заранее заметить малейшее препятствие. Обнаженные тела гребцов, с согнутыми к веслам спинами, лоснились на солнце. На корме стоял капитан корабля, сам Полианто, нечувствительный к усталости. Он был одет в красные одежды, в правой руке держал руль, а в левой – белый жезл, который мерно колебался, отмечая движение весел. Подле

мачты сгруппировались мужчины в чужеземном одеянии и женщины, неподвижные, усталые, в широких накидках.

Корабль, словно громадное насекомое, приближался к порту, рассекая своим носом спокойные, будто мертвые воды. Бросив якорь и перекинув дощатый мостик, гребцы стали отталкивать шестами толпу, которая сгрудилась, стремясь пробраться на корабль.

Капитан отдавал приказания с кормы. Его красное одеяние, словно воспламененное заходящим солнцем пятно, мелькало то здесь, то там.

– А, Полианто!.. Добро пожаловать, мореплаватель! Что ты привез?

Капитан увидел на берегу двух молодых всадников. Тот, который говорил, был одет в белый плащ, один конец которого прикрывал его голову, оставляя открытой бороду, завитую локонами и блестящую от благовоний. Другой сжимал бока коня своими обнаженными сильными ногами; одет он был в военный плащ кельтиберов и короткую шерстяную тунику, поверх которой болтался в ножнах за плечом его широкий меч. Волосы, такие же непокорные и жесткие, как и борода, обрамляли мужественное и смуглое лицо.

– Привет тебе, Лакаро! И тебе привет, Алорко! – ответил капитан с выражением почтения. – Не увидите ли вы вскоре Соннику, мою госпожу?

– Этим же вечером, – ответил Лакаро. – Мы ужинаем в ее загородном доме... Что ты привез?

– Скажите ей, что я привез среброносный свинец из Нового Карфагена и шерсть из Бетики⁸. Чудесное путешествие!

Молодые люди натянули поводья своих лошадей.

– Мы все признательны тебе за это, – сказал Лакаро.

– Прощай, Полианто! Да будет Нептун милостив к тебе!

И оба всадника ускакали, скрывшись между группой хижин, стоявших у подножия храма Афродиты.

Между тем один из прибывших спустился с корабля и смешался с многочисленной толпой, стоящей лицом к корпусу корабля. Это был грек. Каждый узнавал его происхождение по прикрывавшему его голову *тилэосу*, коническому кожаному шлему, подобному тому, который изображен у Одиссея на картинах греческой живописи. Одет он был в темную короткую тунику, перехваченную у пояса ремнем, на котором висела сумка. Хламида, не доходившая до колен, была скреплена на правом плече медной пряжкой. Обувь из поношенных и запыленных ремешков прикрывала его обнаженные ноги, руки же, сильные и старательно очищенные от волос, опирались о большой дротик, почти копье. Волосы, короткие и вьющиеся, крупными завитками выбивались из-под шлема, образуя вокруг его головы волнистый ореол. Кудри были черные, но в них серебрилось несколько седых волос – так же, как и в обрамлявшей его лицо бороде, широкой и короткой.

Это был сильный и стройный мужчина, полный мужественности и энергии. В его глазах с ироническим выражением сверкал тот огонь, который отмечает людей, рожденных для борьбы и власти. Он свободно шел по этому не знакомому ему порту, как путешественник, привыкший ко всякого рода случайностям и неожиданностям.

Солнце скрывалось за горизонт, и портовые работы прекращались, заставляя медленно рассеиваться толпу, заполнявшую набережную. Мимо чужеземца проходили группы рабов, отиравших пот и расправлявших свои изболевшиеся плечи. Подгоняемые палками своих надсмотрщиков, они шли к горным пещерам или масляным мельницам, где должны были про-

---

⁸ Бетика – древнеримская провинция, находившаяся главным образом на территории нынешней Испании, на юге Пиренейского полуострова.

вести ночь, вдали от людей, подальше от морских кабачков, харчевен и лупанаров⁹, которые группировали свои земляные стены и дощатые крыши у подножия храма Афродиты.

Торговцы также отправлялись на поиски своих лошадей и тележек, чтобы ехать в город. Они шли группами, изучая заметки на своих памятных табличках и толкуя о предприятиях дня. Различные типы внешности, фигуры и одеяния свидетельствовали о большой смеси национальностей Зазинто, этого торгового города, куда с древних времен стекались корабли Средиземного моря и чьи купцы выдерживали конкуренцию с Ампурией¹⁰ и Марсилио.

Азиатские и африканские купцы, которые получали для богачей города слоновую кость, страусовые перья, пряности и благовония, сразу выделялись в толпе своей степенной поступью, туниками с золотыми цветами и птицами, зелеными полусапожками, высокими тиарами, сплошь вышитыми, и бородами, спускающимися на грудь горизонтальными волнами мелких завитков. Греки с обычной подвижностью болтали и смеялись, угнетая своим многоглаголием иберийских¹¹ перевозчиков товаров, степенных, бородатых, нелюдимых, одетых в грубую шерсть и своим молчанием как бы протестующих против этого потока ненужных слов.

Набережная опустела за несколько минут. Вся ее жизнь отхлынула к дороге, идущей к городу, где среди облаков пыли бежали лошади, катились повозки и тряслись мелкой рысью африканские ослицы, везя на своих спинах тучных седоков, сидящих по-женски.

Грек медленно шел по набережной позади двух мужчин, одетых в короткие туники, полусапожки и в конические со спущенными полями шляпы, похожие на шляпы эллинских пастухов. Это были два городских ремесленника. Они провели день, удя рыбу, и возвращались домой, поглядывая с плохо скрываемой гордостью на свои ивовые корзины, на дне которых шевелило хвостами множество барвен¹², извивающихся с проворностью угрей. Они говорили по-иберийски, беспрестанно вставляя в свою речь греческие и латинские слова. Это было обычное наречие здешней древней колонии, всегда употребляемое купцами в торговых отношениях с главнейшими народами страны. Грек, следуя за ними по набережной, прислушивался с любознательностью чужестранца.

– Я подвезу тебя в своей тележке, приятель, – говорил один из ремесленников. – Я оставил ее в трактире Абилиано под присмотром. Ведь мой осел, как тебе известно, является предметом всеобщей зависти. Но в трактире с ним ничего не случится, а мы приедем в город ранее, чем запрут ворота.

– Очень тебе благодарен, сосед. Небезопасно идти одному теперь, когда в наших деревнях развелось столько бродяг, которых мы содержим на жалованье для войны с турдетанами¹³. К тому же вокруг столько злого люда, бежавшего из города после последних беспорядков! Ты ведь знаешь, что третьего дня нашли на дороге труп Актэно, цирюльника с Форума¹⁴? Беднягу убили грабители, когда он возвращался вечером в свой загородный дом.

– Говорят, что теперь, после вмешательства римлян, мы заживем покойнее. Послы Рима отсекли множество голов и утверждают, что благодаря этому у нас водворится мир.

Оба собеседника на минуту остановились и повернулись, чтобы посмотреть на римское судно – либурну, которая еле виднелась возле башни порта, скрытая сумраком надвигающейся ночи. Затем ремесленники продолжили путь, шагая медленно и как бы размышляя.

---

⁹ Лупанар – публичный дом в Древнем Риме.

¹⁰ Ампурия – Эмпурии – самая старая колония, основанная древними греками на Пиренейском полуострове. Располагалась на берегу Средиземного моря.

¹¹ Иберия – то же, что Пиренейский полуостров, на котором расположены современная Испания, Португалия и др.

¹² Барвена – рыба-краснобородка, которая обитает в Средиземном и Черном морях.

¹³ Турдетаны – древний народ, населявший юг Пиренейского полуострова. Их территория позднее вошла в римскую провинцию Бетика.

¹⁴ Форум – главная площадь в городе, она же – центральный городской рынок.

– Я знаю, – продолжал один из них, – что я не более чем сапожник, у которого есть лавка возле Форума и который может довольствоваться кошельком звонких викториатов¹⁵, чтобы спокойно встретить старость и проводить вечера на набережной с удочкой в руке. Я не знаю того, что знают риторы, которые, отправляясь за городские стены, рассуждают, крича, как фурии. Я не мыслю, как философы, которые собираются в портиках¹⁶ Форума, чтобы спорить среди насмешек торговцев о том, кто прав из мыслителей Афин. Но при всем своем невежестве я задаю себе вопрос, сосед: к чему эти распри между людьми, с которыми мы живем бок о бок и к которым мы должны относиться как к братьям?.. К чему?

Приятель сапожника молча кивнул в знак одобрения, а невольный оратор продолжал свою речь:

– Да, я понимаю, что у нас есть основания быть во враждебных отношениях с нашими соседями, турдетанами. Во-первых, из-за проведения воды на поля, во-вторых, из-за пастбищ и, в-третьих, из-за земельных границ и того, что мы мешаем им воспользоваться этим прекрасным портом. Я понимаю, почему наши горожане вооружаются, ищут повод для сражения и стремятся разрушать деревни турдетанов и сжигать хижины. Наконец, турдетаны – это люди не нашего племени. Кроме того, ведь война поставляет рабов, в которых обычно чувствуется недостаток. А без рабов что бы делали мы, люди... горожане?

– Я беднее тебя, сосед, – наконец ответил другой рыболов. – Изготовление лошадиных седел не приносит мне такого заработка, как тебе – башмачное ремесло. Но и при моей бедности я нахожу возможным содержать раба-турдетана, который мне весьма полезен. И я хочу войны, так как она повышает цену на мой труд.

– Война с соседями... Что ж, в добрый час! Молодежь на войне крепнет и ищет случая отличиться, государство приобретает этим значительность. А все сражающиеся, после того как побегают по полям и горам, покупают обувь и отдают в починку седла своих лошадей. Чего же лучше?! На этом-то и держится торговля. Но почему мы вынуждены более года превращать Форум в поле битвы и каждую улицу – в крепость? Разве приятно торговать в своей лавке, спрашивая с красивой горожанки цену за сандалии, сделанные из папируса по азиатской моде, или же продавая прекрасные греческие котурны¹⁷, когда слышишь на площади звон оружия, крики и вопли умирающих? А приятно, проходя по порту, опасаться, как бы тебе не запустили в седалище какой-нибудь шальной дротик? И из-за чего? Что за причина жить как собака с котом на лоне этого Зазинто, столь спокойного и трудолюбивого в прежние времена?

– Из-за чего? Что за причина? Всему причиной гордость и богатство греков... – начал говорить спутник.

– Да, я это знаю. Отсюда ненависть между иберийцами и греками – из-за убеждения, что греки благодаря своим богатствам и образованию главенствуют и эксплуатируют иберийцев... Как будто в городе есть чистокровные иберийцы и чистокровные греки!.. Иберийцы – это те, которые живут по другую сторону этих гор, скрывающих от нас горизонт. Грек же – это тот, который, как мы видели, сошел с корабля и идет теперь вслед за нами. Но мы, мы – не более как сыны Зазинто, или Сагунта, как хотят именовать наш город. Мы являемся последствием тысячи столкновений земли с морем, и сам Юпитер затруднился бы сказать, кто были наши предки. С тех пор как на этих полях змея укусила нашего прародителя Зазинто и легендарный Геркулес воздвиг высокие стены Акрополя, кто может отличить людей, прибывших сюда, от тех, которые здесь жили? Сюда прибывали люди из Тира¹⁸ на своих кораблях с красными

---

¹⁵ Викториат – серебряная римская монета. Была в ходу во времена Римской республики (около 221–170 г. до н. э.).

¹⁶ Портик – галерея из колонн, примыкающая к зданию и расположенная с ним под одной крышей.

¹⁷ Котурны – открытая обувь на платформе, которая помогает казаться выше.

¹⁸ Тир – один из древнейших торговых городов Финикии. Сейчас это город Сур. Находится на восточном побережье Средиземного моря.

парусами в поисках серебра, лежащего в недрах земли. Моряки Занта¹⁹, бежавшие со своими семьями от тиранов своей родины. Жители Ардеи²⁰, население Италии, бывшее могущественным в те времена, когда еще не существовал Рим. Карфагеняне того времени, когда больше думали о торговле, чем о военных подвигах... И могу ли я знать, какие еще народы! Интересно послушать, когда обо всем этом рассказывают философы в портике храма Дианы, объясняя историю... Я сам разве знаю, грек ли я или ибериец?! Мой дед по отцовской линии был вольноотпущенником из Сицилии, он прибыл сюда с поручением от одной фабрики глиняной посуды и женился на кельтиберке. Мать моя была лузитанка²¹, приехавшая сюда с экспедицией для продажи золотого порошка купцам Александрии Египетской. Я так же, как и другие, горжусь тем, что я сагунтец. Те, которые почитают в Сагунте иберийцев, верят в греческих богов. Греки же, не замечая, усваивают многие иберийские обычаи. Они считают себя чуждыми друг другу потому, что живут разобщенно в этом городе, но их праздники одинаковы и в ближайшие торжества в честь Минервы²² ты увидишь вместе дочерей эллинских коммерсантов и детей тех граждан, которые обрабатывают землю, носят грубое сукно и отпускают бороды, чтобы больше походить на коренное население.

– Да, но греки захватили все в свои руки. Они хозяева всего, завладели жизнью города.

– Они более образованные, более отважные. В их личности есть нечто божественное, – произнес назидательно сапожник. – Обрати внимание на того, который позади нас. Одет он бедно; быть может, в его кошельке нет и двух обол²³, чтобы поужинать; возможно, что он будет спать под открытым небом, и все же он кажется Зевсом, который, переодевшись, спустился с небес.

Оба ремесленника оглянулись на грека и затем продолжали свой путь. Они направились к хижинам, которые, окружая порт, оживляли его людской суетой.

– Есть другая причина вражды, которая разъединяет нас, – сказал седельщик. – Не только неприязнь между греками и иберийцами. Одни хотят, чтобы мы были друзьями Рима, а другие – Карфагена.

– Ни теми, ни другими, – наставительно сказал сапожник. – Жить спокойно и торговать, как в прежние времена, – вот что необходимо для нашего довольства. Греки Сагунта хотят, чтобы мы поддерживали дружбу с Римом, и это я ставлю им в упрек.

– Рим – победитель!

– Да, но он очень далеко, а карфагеняне – почти у наших ворот. Их войска из Нового Карфагена могут прийти сюда с многочисленными полками.

– Рим – наш союзник и наш покровитель. Его послы, которые завтра уезжают, положили конец нашим смутам, обезглавив тех граждан, которые нарушили покой нашего города.

– Да, но эти граждане были друзьями Карфагена и пользовались покровительством Гамилькара²⁴. Ганнибал не так-то легко забудет друзей своего отца.

– Ба! Карфаген хочет мира и обширной торговли, чтобы обогатиться. После своего поражения в Сицилии он боится Рима.

– Боятся карфагенские сенаторы, но сын Гамилькара для этого слишком молод и, откровенно говоря, у меня вызывают большое опасение эти превращенные в полководцев мальчишки, которые не признают вина и любви, мечтая лишь о славе.

---

¹⁹ Зант (Закинф) – один из островов в Ионическом море у берегов Греции, третий по площади среди всех островов этого архипелага.

²⁰ Ардея – древний итальянский город, расположенный в 35 км к югу от Рима и в 4 км от берега Тирренского моря.

²¹ Лузитаны – древнее племя, обитавшее на юго-западе современной Испании.

²² Минерва – древнеримская богиня мудрости, покровительница ремесленников. Аналог древнегреческой богини Афины.

²³ Обол – медная монета.

²⁴ Гамилькар Барка (умер в 228 году до н. э.) – карфагенский военачальник и государственный деятель, отец другого знаменитого военачальника – Ганнибала.

Грек не мог более расслышать беседу. Оба ремесленника скрылись между хижинами; звук голосов затерялся вдали.

Чужеземец оказался совершенно один среди незнакомого порта. Набережная оставалась безлюдной. На носках кораблей загорелось несколько фонарей, а вдали над водами залива поднималась луна, точно громадный диск медового цвета. Только на малой рыбацкой пристани чувствовалось некоторое оживление. Женщины, высоко подняв и сжимая между ног рубища, которые служили им туникой, стояли по колена в воде, полоща рыбу. Каждая труженица складывала этих рыб в корзину, которую ставила себе на голову, и отправлялась в путь, таща за собой своих ребятишек, толстопузых и совершенно голых.

С кораблей, неподвижных и безмолвных, сходили группы мужчин, направляющихся к публичным домам, расположенным у подножия храма Афродиты. Это были моряки, которые двинулись на поиски трактиров и лупанаров.

Греку были хорошо знакомы эти нравы. Здешний порт напоминал многие другие виденные им порты. Наверху – храм, служащий путеводителем для мореплавателей, а внизу – вино, легкая любовь и кровопролитные ссоры, являющиеся как бы завершением праздника.

На минуту у грека возникла мысль направиться в город, но город был слишком далеко, дорога неизвестна, и чужеземец предпочел остаться здесь, проспав где-нибудь до восхода солнца. Он пошел по кривым улочкам, образовавшимся между хижинами, случайно построенными, точно свалившимися с неба со своими земляными стенами и крышами из соломы или камыша, с узкими оконцами и единственным входом, завешанным ковром или лоскутами ткани. В некоторых хижинах, внутри менее убогих, жили скромные торговцы гавани, которые доставляли съестные припасы кораблям и поставляли зерно, а также рабочие, которые помогали рабам переносить на гребные суда бочки воды. Но большинство домишек было занято трактирами, кабачками и лупанарами. Над дверями некоторых домов виднелись разрисованные охрой надписи на греческом, иберийском и латинском языках.

Грек услышал, что его окликают. Оказалось, это был тучный и плешивый человек, который, стоя у дверей своего жилища, жестикулировал.

– Привет тебе, сын Афин, – сказал он, желая польстить путешественнику именем знаменитейшего города Греции. – Войди сюда. Ты будешь среди своих, так как мои предки также происходили оттуда же. Погляди на вывеску моего трактира: «Храм Афины». Здесь ты найдешь лауронское²⁵ вино, которое столь же прекрасно, как и вино Аттики²⁶. Если захочешь попробовать кельтиберское пиво, также и оно у меня имеется, а если пожелаешь, могу предложить тебе несколько бутылок вина из Самоса²⁷, которое так же неподражаемо, как и украшающая мой прилавок богиня Афина.

Грек ответил улыбкой и отрицательным жестом, а болтливый трактирщик уже успел проскользнуть в свое малое и грязное жилище, приподняв ковер, чтобы впустить группу моряков.

Пройдя несколько шагов, грек приостановился, привлеченный слабым свистом, который, казалось, призывал его из глубины хижины. Старуха, закутанная в черный плащ, подавала знаки у дверей. Внутри жилища, при свете глиняного светильника, висящего на цепочке, видно было несколько женщин, сидящих на камышовых циновках в позах покорных животных, с неподвижной улыбкой, от которой сверкали их зубы.

– Я тороплюсь, матушка, – сказал чужеземец, смеясь.

– погоди, сын Зевса, – заговорила старуха по-эллински, коверкая этот язык твердостью произношения и свистом дыхания из-за беззубых десен. – Я сразу поняла, что ты грек. Все,

---

²⁵ Лаурон – город в Испании, недалеко от Кадиса.

²⁶ Аттика – историческая область на юго-востоке Греции.

²⁷ Самос – остров в Греции, в Эгейском море.

рожденные в твоей стране, веселы и прекрасны: ты походишь на Аполлона, ищущего своих божественных сестер. Войди, здесь ты их встретишь...

Старуха, приблизившись к чужеземцу, взяла его за край хламиды и стала перечислять все прелести своих питомиц: иберьянок, балеарок²⁸ и африканок. Одни величественны и крупны, как Юноны, другие миниатюрны и грациозны, как куртизанки Александрии Египетской и Греции... Но, видя, что грек высвободился и продолжает свой путь, старуха, думая, что не сумела угодить его вкусу, возвысила голос и заговорила о молоденьких девушках, белокурых и с длинными волосами, прекрасных, как улыбающиеся дети, которые поспорят с красавицами Афин.

Грек покинул кривую улочку, но все еще продолжал слышать голос старухи, которая, казалось, цинично упивалась своими грязными речами! Он очутился на поле в начале дороги, идущей в город. Направо был холм, на котором возвышался храм, а под холмом виднелся дом несколько больший, чем другие. Это был трактир с дверями и окнами, ярко освещенными светильниками из красной глины.

Внутри виднелись сидящие на каменных скамьях путешественники всех стран. Там были римские воины со своими панцирями из бронзовых чешуек, короткими мечами, висевшими за плечом, и лежащими у их ног шлемами, с гребнями из красного конского волоса. Там же находились гребцы из Марсилио, полунагие с клинками, наполовину скрытыми в складках рубищ, опоясывающих их бедра. Кроме того зашли на огонек финикийские и карфагенские моряки в широких панталонах, высокой шапке в форме митры и в тяжелых серебряных серьгах. Были там и негры из Александрии, атлетически сложенные и с неповоротливыми движениями, показывающие при улыбке свои острые зубы, которые невольно наводили на мысль об ужасных картинах людоедства. Нашлось место для кельтиберов и иберийцев в темной одежде, с длинными спутанными волосами, недоверчиво поглядывающих по сторонам и чуть что инстинктивно тянущих руку к широкому ножу. Также в трактире сидели несколько краснокожих мужчин с длинными усами и жесткими гривами, связанными шнурком и спадающими на затылок. Наконец, там находились люди, перебрасываемые случайностями войны и капризами моря с одного конца света на другой, становящиеся в один день военными победителями, а на другой день – пленными рабами. Это были столь же моряки, сколько пираты, не знающие ни закона, ни родины, не ведающие другого страха, как только трепет перед начальником корабля, карающим плетью и крестом. Эти люди веровали лишь в меч и в мускулы, а потому носили печать своего таинственного прошлого, полного ужасов, в заживших ранах, покрывавших их тела, в широких рубцах, которые бороздили их кожу, в отсеченных ушах, прикрытых грязными и спутанными волосами.

Одни из них ели, стоя вокруг прилавка, позади которого висели заткнутые пробками амфоры, украшенные рисунками в виде листьев. Другие, сидя на каменных скамьях вдоль стен, держали на коленях глиняные блюда. Большинство же развалились на полу на брюхе, точно дикие животные, делящие пищу, и тянулись своими волосатыми лапами к блюдам, треща челюстями.

Еще не распивалось вино и требовалось присутствие женщин. Изнуренные воздержанием долгих путешествий и нравственно измученные строгой дисциплиной кораблей, люди ели и пили с аппетитом людоедов.

Случайно собравшись в узком помещении, наполненном копотью светильников и паром кушанья, они чувствовали потребность в общении, так что каждый из них между едой вступал в беседу со своим соседом, не обращая внимания на различие языка, ведь в итоге все понимали друг друга, объясняясь более жестами, чем словами.

---

²⁸ Балеары – архипелаг в Средиземном море, у берегов Испании.

Один карфагенянин рассказывал греку о своем последнем путешествии на острова Великого моря²⁹, находящиеся далее, чем Столпы Геркулеса³⁰. Долго плыли они по серому морю под сенью сплошных облаков, пока, наконец, не прибыли к крутым, известным лишь капитанам его страны, берегам, где находится олово³¹.

Негр со смешной мимикой рассказывал двум кельтиберам об экскурсиях вдоль Красного моря к таинственным берегам, не обитаемым днем, но ночью покрытым движущимися огнями и населенным людьми, волосатыми и проворными, как обезьяны, чьи кожи, набитые соломой, доставлялись в храмы Египта для жертвоприношения богам.

Римские воины, более пожилые, рассказывали о своей великой победе на Эгатских островах, которая позволила завершить войну и очистила Сицилию от карфагенян. И в своей заносчивости победителей они не считались с присутствием униженных карфагенян, которые слушали их.

Иберийские пастухи, смешавшись с мореплавателями, хотели умалить эффект морских приключений и рассказывали о породистых лошадях и о быстроте их бега.

Между тем какой-то маленький грек, поразительно живой и язвительный, желая унижить варваров и доказать преимущество своей нации, декламировал отрывки известной оды, выученной им в Пирее³², или напевал мелодию, медлительную и сладостную, которая терялась среди гула разговоров, чавканья и звона посуды.

Гости потребовали большего освещения, так как с каждой минутой хмельная атмосфера трактира сгущалась. Пламя светильников еле виднелось в ней, словно капли крови на стенах, черных от копоти.

Из расположенной рядом кухни плыл едкий пар от пряных соусов и горящих поленьев. Он вызывал у многих посетителей слезы и кашель.

Некоторые уже были пьяны, едва приступив к ужину, и требовали у рабов венки из цветов, чтобы так же, как на пирах богачей, украсить ими себя. Другие с ревом аплодировали, увидев, что вертеп озарился кровавым сиянием факелов, которые зажигал хозяин трактира.

Рабы суетились за каменным прилавком, наливая напитки из больших амфор, бегали на кухню и сейчас же возвращались, красные от духоты, неся большие блюда. Вино проливалось на пол, когда опрокидывались чаши, а как только в окнах появлялись раскрашенные лица проституток – *волчиц*³³ порта, выжидавших момента, чтобы сделать набег на трактир, моряки приветствовали их громкими взрывами смеха. Этот смех уподоблялся реву животных, а затем мужчины кидали женщинам остатки своей пищи, провоцируя среди проституток драку и крики.

Кушанья возбуждали зверский аппетит, и их жадно уничтожали, запивая каждый кусок. Греки ели слизняков, плавающих в шафранном соусе, свежих сардин из залива, уложенных на круглом блюде и украшенных лавровыми листьями, даже птичьи гребешки, политые зеленым соусом. Иберийские пастухи довольствовались сушеной рыбой и твердым сыром. Римляне и галлы поглощали большими кусками ягнятину, из которой каплями сочилась кровь. Также подавались угри из гавани порта, гарнированные вареными яйцами, и все эти кушанья и большинство других были приправлены солью, перцем и зеленью с острым запахом.

Все чувствовали потребность швырять деньги, пресытиться едой и напиться до потери сознания, чтобы хоть этим усладить суровую и полную лишений жизнь, которая ожидала на кораблях. Римляне, которые на следующий день уезжали, собирали последние деньги, чтобы

---

²⁹ Здесь: Атлантического океана.

³⁰ Столпы Геркулеса – Гибралтарский пролив.

³¹ Оловянные острова – Британские острова.

³² Пирей – порт древних Афин на берегу Саронического залива с тремя гаванями: одной торговой и двумя военными.

³³ Волчица – обительница публичного дома, лупанара. Слово «лупанар» буквально переводится с латыни как «волчье логово».

оставить свои сестерции³⁴ в порту Сагунта. Карфагеняне с гордостью говорили о своей Республике, самой богатой в мире.

Трактирщик без конца кидал на дно пустой амфоры монеты различного достоинства: Зазинто с изображением носовой части корабля и богини Победы, летящей над ней; Карфагена с легендарной лошастью и ужасными богами; наконец, Александрии Египетской с изящным профилем Птолемея³⁵.

Большинство простых гребцов привередничали, чувствуя себя господами. Они стремились хоть в течение одной ночи подражать богачам, чтобы в дни голода утешать себя этим воспоминанием. Вот почему такие посетители трактира требовали устриц из Лукрино³⁶, которых корабли доставляли в амфорах с водой для крупных торговцев Сагунта, а также хотели попробовать *оксигарум*, за который патриции Рима платили большие деньги. Последнее блюдо представляло собой внутренности мелкой рыбы, приготовленные с уксусом и пряностями и возбуждающие аппетит.

Черное лауронское вино³⁷ и вино цвета розы сагунтских полей казалось непригодным для тех, у кого были деньги. С таким же пренебрежением они относились к вину Марсилио, говоря, что оно готовится из древесной смолы, и требовали вин Кампании³⁸, Фалерно³⁹ и Массико⁴⁰. Эти дорогие напитки наливались, несмотря на цену, в *кимбы*, очень вместительные чаши из сагунтской глины в форме лодки.

Все люди, собравшиеся вокруг горячих кушаний и различных напитков, начиная от кельтиберского пива и заканчивая иностранными винами, пожирали громадное количество зелени и фруктов, соскучившись после долгого пребывания на море по овощам и плодам. Они набрасывались на блюда, наполненные грибами, хватали руками редис, приготовленный в уксусе, жадно уничтожали порей, свеклу, чеснок и груды свежего садового латука, усыпая пол его листьями.

Грек наблюдал это зрелище, стоя у дверей среди нескольких моряков, которые не нашли себе места в трактире. При виде грубого пиршества чужеземец вдруг вспомнил, что ничего не ел с самого утра, когда Полианто, капитан корабля, дал ему кусок хлеба.

Новизна впечатлений, когда путешественник высадился на берег незнакомого города, заставила умолкнуть желудок, приученный к воздержанию, но теперь при виде стольких людей, которые ели, грек почувствовал приступ голода и инстинктивно сделал шаг вперед, но сейчас же остановился. К чему входить? Ведь в сумке, которая висела у его пояса, был только папирусный свиток, свидетельствующий о прошлых деяниях, и таблички для памятных заметок. Там же хранились щипцы для выдергивания волос и гребенка – словом, все те незначительные предметы, без которых не мог обойтись ни один порядочный грек, заботящийся о себе. Но сколько бы он ни искал, не нашел в сумке ни единого обола. На корабль его пустили бесплатно, видя блуждающим по пристани Нового Карфагена, так как капитан уважал греков Аттики. Теперь же путешественник чувствовал себя одиноким и голодным в незнакомом порту, и если бы вошел в трактир, желая поесть, не заплатив, то с ним обошлись бы как с рабом, выгнав палками.

---

³⁴ Сестерций – мелкая монета в Древнем Риме. В описываемый период чеканилась из серебра.

³⁵ Птолемеи – династия правителей Египта с 305/304 г. по 30 г. до н. э. Основана Птолемеем Сотером, соратником Александра Македонского.

³⁶ Лукрино – небольшое озеро на юге Италии. В древности было знаменито своими устричными отмелями.

³⁷ Черное вино – так называется вино, которое на самом деле красное, но имеет очень темный оттенок.

³⁸ Кампания – административная область в Италии, включающая Неаполь.

³⁹ Фалерно – лучший сорт итальянского вина из северной Кампании, получивший название по винодельческой области Фалернская земля.

⁴⁰ Массико – горный рельеф в итальянской области Кампания.

Раздраженный запахами мяса и соусов, грек предпочел уйти прочь, чтобы не испытывать этих мук Тантала⁴¹, но на выходе столкнулся с высоким мужчиной, закутанным в темный военный плащ и обутом в сандалии с ремешками, перекрещивающимися до колен. Незнакомец в плаще походил на кельтиберского пастуха, но грек, столкнувшись с ним и обменявшись беглыми взглядами, испытал такое чувство, как будто не в первый раз видит эти властные глаза, напоминающие глаза орла, сидящего у ног Зевса.

Грек, равнодушный к людям, не обратил внимания на эту встречу. Сейчас ему хотелось лишь заглушить голод и, если это возможно, заснуть до восхода солнца. Быстро удаляясь от жалкого предместья, освещенного и шумного, он искал места, где бы отдохнуть, поэтому направился к храму Афродиты. От храма, возведенного на высоком холме, спускалась голубая мраморная лестница, нижние ступени которой примыкали к набережной.

Грек опустил на гладкий камень, предполагая дожидаться здесь наступления дня. Луна освещала всю высокую часть храма. Гул портовой жизни доходил сюда смягченным, приглушенным и как бы тающим в величественной тишине ночи, в которой растворялись отдаленный плеск моря, трепетный ропот оливковых деревьев и монотонное пенье лягушек, живущих в приморских болотах.

Грек услышал повторяющийся несколько раз крик, протяжный и жалобный, похожий на вой волка. Внезапно этот звук раздался за спиной. Путешественник ощутил на своем затылке горячее дыхание и, оглянувшись, увидел женщину, которая наклонялась к нему, протягивая руки, прикрытые тряпьем. Она тупо улыбалась, открывая рот и показывая отсутствие нескольких зубов.

– Привет тебе, прекрасный чужеземец. Я видела тебя убегающим от сборища, но в одиночестве ты бы соскучился, и я пошла вслед за тобой, чтобы ты был счастлив...

Грек сразу понял, кто эта женщина. Это была волчица порта, одна из тех несчастных, которых он видел на пристанях всех стран. Гражданки мира, жалкие куртизанки, любимые на одну ночь людьми всех племен и рас, покорно растягивающиеся на камне или в тени лодки, чтобы заработать несколько оболов. Среди них попадались бывшие гетеры⁴², опустившиеся до скотского состояния, а также беглые рабыни, ищущие свободы в распутстве, грязи и пьянстве, и просто самки, предлагающие любовь грубым людям моря. Словом, несчастные животные, изнуряемые в молодости чрезмерными ласками и подвергающиеся побоям в старости.

Чужеземец смотрел на эту еще молодую женщину и замечал в ней следы красоты, но она выглядела изнуренной своим ремеслом, глаза слезились, а рот оказался обезображен из-за выбитых зубов. Одежда из дорогой ткани, прекраснейшей выделки, давно покрылась грязью и истрепалась. Ноги волчицы были босы, а спутанные длинные волосы поддерживались медной гребенкой, к которой несчастная приколотла несколько лесных цветов.

– Ты напрасно теряешь время, придя сюда, – сказал грек с добродушной улыбкой. – У меня в кошельке нет ни единого обола.

Мягкий тон этого человека, казалось, понравился бедной куртизанке. Она была существом, привыкшим к побоям. Мужчина являлся для нее воплощением грубости, животных наслаждений, сопровождаемых укусами, а перед мягкостью грека она растерялась и даже почувствовала робость, как перед опасностью.

– У тебя нет денег? – смиренно проговорила она после долгого молчания. – Это ничего... я останусь здесь с тобой. Ты мне нравишься. Я твоя раба. Среди всего этого люда, собравшегося в трактире, мои глаза остановились на тебе.

---

⁴¹ Согласно Гомеру, царь Тантал обречен вечно испытывать в подземном царстве нестерпимые мучения от голода и жажды. Стоя по горло в воде, он не может достать воды и, видя близ себя роскошные плоды, не может сорвать их.

⁴² Гетеры – куртизанки Древней Греции, отличавшиеся образованностью и утонченностью.

И она наклонилась к греку, лаская огрубевшими руками его вьющиеся волосы. Он же смотрел на нее с сожалением в глазах.

Чужеземец, голодный и одинокий в незнакомом порту, чувствовал себя растроганным добротой этой несчастной: это было товарищество бедности.

– Если хочешь, останься со мной и говори, что пожелаешь, но не ласкай меня. Я голоден: я ничего не ел с самого утра и в данную минуту променял бы все ласки любви на порцию пищи любого моряка.

Блудница была поражена услышанным.

– Ты голоден?.. Ты изнемогаешь от голода, тогда как я была уверена, что ты питаешься амброзией Зевса.

И ее глаза выразили точно такой же ужас, как если бы она увидела Афродиту, недостижимую богиню, хранящуюся наверху в храме, спустившейся со своего мраморного пьедестала и выпрашивающей у гребцов порта хоть один обол.

– погоди, погоди!.. – решительно проговорила куртизанка после некоторого размышления.

Грек увидел, как она побежала к хижинам, и, когда из-за усталости и слабости его глаза сомкнулись, он вторично почувствовал женщину подле себя, она толкала его.

– Возьми, мой господин. Мне многого стоило достать это. Жестокая Лаис, старуха, ужасная, как Парки⁴³, которая помогает нам в черные дни, решила отдать мне свой ужин лишь после того, как взяла с меня клятву, что с восходом солнца я принесу ей два сестерция. Кушай, любовь моя, кушай и пей.

И женщина положила на ступени теплый круглый хлеб, несколько сухих рыб, половину белого сагунтского сыра, мягкого и сочащегося сывороткой, а также поставила рядом кувшин кельтиберского пива.

Грек приблизился к кушаньям и стал с жадностью уничтожать их, а волчица следила за ним взглядом, который минутами смягчался, принимая почти материнское выражение.

– Я бы хотела быть столь же богатой, как Сонника, которая начала так же, как и каждая из нас, а теперь она – госпожа многих из этих кораблей, имеет чудесные, как Олимп, сады, толпы рабов, фабрики глиняной посуды, и половина здешних земель принадлежит ей. Я бы хотела стать богатой пусть даже на одну эту ночь, чтобы угостить тебя всем тем прекрасным, что только есть в порту и в городе. Чтобы устроить для тебя такой же пир, как пиры Сонники, которые длятся до рассвета и где бы ты, увенчанный розами, пил самосское вино из золотой чаши.

Грек, тронутый простотой и искренностью, с которой говорила эта несчастная, посмотрел на нее с нежностью.

– Не благодари меня... – продолжала она. – Это я должна выразить тебе благодарность за то счастье, которое ты доставил мне, позволив дать тебе поесть. Почему так? Не знаю... Никто не прикасался к моему плечу, не дал мне чего-нибудь. Одни давали медные монеты, другие – кусок ткани или чашу вина, большинство же награждало меня побоями и укусами. Все давали мне что-нибудь, а я страдала и ненавидела их. Но ты, который прибыл сюда бедным и голодным, который не ищет меня, не хочет меня, который ничего мне не дает, ты рождаешь во мне радость от того, что не даешь. Ты рождаешь во мне радость от того, что находишься подле меня, и мое тело наполнилось неведомым счастьем. Дав тебе поесть, я чувствую себя пьяной, точно вышла после пиршества. Скажи, грек: действительно ли ты человек или же отец богов, который, спустившись на землю, пришел осчастливить меня?

---

⁴³ Парки – три богини судьбы в древнеримской мифологии. Изображались в виде уродливых старух.

И, возбужденная своими собственными словами, куртизанка поднялась по мраморным ступеням до половины лестницы и, воздев свои худые руки к храму, озаренному луной, воскликнула:

– Афродита! Моя богиня! В тот день, когда я соберу столько, сколько стоит пара голубей, я принесу их, украшенных цветами и шелковыми лентами огненного цвета, на твой жертвенник в память об этой ночи.

Грек отпил горький напиток из кувшина и передал кувшин куртизанке, которая стала искать на глиняном краю то самое место, к которому прикасались уста ее спутника, и приникла к этому месту своими губами. Она не прикоснулась к ужину, часть которого предложил грек, только пила, и это, казалось, делало ее более разговорчивой.

– Если бы ты знал, чего мне стоило раздобыть все это!.. Улочки переполнены пьяными. Эти люди, валяясь в грязи и волоча друг друга под руки, обрывают на мне платье и кусают за ноги. Вино течет из дверей трактиров. На набережной не лучше. Несколько африканцев гнались за поселянином и, поймав его, опустили головой вниз в воду. Одного кельтибера сшибли с ног ударом кулака. А Тугу, иберийскую девочку, схватили за ноги и погрузили с головой в самую большую, какая только оказалась в харчевне, винную бочку. Когда Тугу вытащили оттуда, она наполовину захлебнулась вином. Это обычное развлечение. А бедную Альбуру, одну мою подругу, я видела окровавленной, сидящей на земле и держащей на ладони глазное яблоко, которое у нее выскочило от удара кулака пьяного египтянина. И так каждую ночь. Теперь все это рождает во мне страх. Мне кажется, что, как только я тебя узнала, я очутилась в новом мире и впервые увидела то, что меня окружает.

Продолжая говорить, женщина рассказала греку всю свою историю. Куртизанку звали Бачис, и она не знала точно, откуда родом. Вероятно, родилась в другом порту, так как смутно помнит в первые годы жизни долгое путешествие на корабле. Мать, судя по всему, была волчицей порта, а Бачис стала плодом встречи своей матушки с каким-нибудь моряком. Имя, которое дали новорожденной девочке, было именем многих знаменитых куртизанок Греции⁴⁴.

Одна старуха, вероятно, купила Бачис у капитана, который привез ее в Сагунт. И еще ребенком, задолго до того как стать женщиной, Бачис познала любовь, принадлежа посещающим хижину старухи портовым негодьям и вольноотпущенникам города, которые рекомендовали друг другу это детское тело, слабое и жалкое, на котором еще не намечалось округленных форм ее пола. После смерти своей хозяйки Бачис стала волчицей и перешла в распоряжение моряков, рыбаков, пастухов ближайших гор – всего этого зверья, наполняющего порт.

Ей еще не исполнилось двадцати лет, а между тем она была уже состарившейся, обессиленной, изнуренной распутством и побоями. Город она обычно видела лишь издали. За всю жизнь была внутри городских стен лишь два раза. Туда не пускали волчиц. Мирились только с их пребыванием подле храма Афродиты, обеспечивая таким образом безопасность Сагунта, который оказывался избавленным от нежелательного наплыва людей всех стран, прибывающих в порт. Однако в городе иберийские мужчины чистых нравов негодовали при виде куртизанок, а развращенные греки, жившие в Сагунте, обладали слишком утонченным вкусом, чтобы чувствовать сострадание, а не отвращение к этим продавщицам любви, которые, как животные, с ожесточением кидались на гроздь винограда или горсть орехов.

Здесь, под сенью храма Афродиты, протекала жизнь несчастной Бачис – жизнь в постоянном ожидании новых кораблей и новых людей, которые набрасывались на женщину, наглые и грубые, как сатиры, раздраженные долгим воздержанием на море. И так будет продолжаться до тех пор, пока ее не убьют в ссоре моряки или же пока она не умрет от голода подле какой-нибудь оставленной лодки.

---

⁴⁴ Имя Бачис правильнее произносить как Вакхис. Оно означает «вакханка», то есть спутница Вакха, бога вина и веселья.

– А ты? Кто ты? – закончив свой рассказ, спросила Бачис.

– Мое имя Актеон. Моя родина – Афины. Я много странствовал по свету: в одном месте я был воином, в другом – мореплавателем. Я сражался, торговал, сочинял стихи и вел с философами беседы о таких предметах, о которых ты и не слышала. Одно время я был богат, а теперь ты даешь мне поесть. Вот и вся моя история.

Бачис смотрела на него удивленными глазами, угадывая в его скупых словах все прошлое, полное приключений, ужасных опасностей и чудесных превратностей судьбы. Она вспоминала храбрые подвиги Ахиллеса и полную приключений жизнь Одиссея, много раз воспетые в стихах, слышанных ею, когда эти стихи декламировались пьяными греческими моряками.

Куртизанка, склонившись на грудь Актеону, одной рукой гладила его волосы. Грек, благодарный, братски улыбался Бачис с таким бесстрашием, точно она была девочкой.

Из-за хижин вышли два моряка и, покачиваясь, направились по набережной. Пронзительный вой, который, казалось, рассек воздух, прозвучал над ухом Актеона.

Его подруга, побуждаемая привычкой, с инстинктом продавца, издали угадывающего покупателя, вскочила на ноги.

– Я вернусь, мой господин. Я позабыла об ужасной Лаис. Надо уплатить ей деньги до восхода солнца. Она избьет меня, как избивала не раз, если я не исполню своего обещания. Жди меня здесь.

И, повторяя свой дикий вой, женщина пустилась вдогонку за моряками, которые приостановились и приветствовали крики волчицы взрывами смеха и похабными словами.

Оставшись в одиночестве и уже не чувствуя голода, грек подумал о том, что сейчас произошло, и ощутил настоящее отвращение. Актеон, афинянин, тот, из-за которого спорили в Керамике⁴⁵ самые богатые гетеры прекрасного города, покровительствуем и обожаем распутницей порта.

И, не желая более встречаться с ней, он бежал прочь от лестницы, углубившись в улочки порта.

Грек снова очутился перед тем трактиром, у дверей которого испытывал муки голода. Оргия среди моряков была в полном разгаре. Трактирщик с трудом мог отстоять неприкосновенность своего лица за прилавком. Рабы, напуганные тумаками, спрятались на кухне. На полу лежало несколько амфор, из которых, точно ручьи крови, текло вино, а среди луж, впитывающихся в земляной пол, валялись пьяные. Египтянин исполинской силы бегал на четвереньках, подражая реву шакала и кусая женщин, которые находились в харчевне. Несколько негров танцевали с женоподобными движениями, созерцая, точно загипнотизированные, свой пуп, который вздрагивал от судорожных движений живота. Позабывшие о приличиях мужчины и женщины повалились по углам на каменные скамьи, не стесняясь грубого света факелов. Запах голого потного тела смешивался с запахом вина.

Среди этого разгула только четыре человека подле прилавка оставались безучастными к окружающему хаосу и вели спор с мнимым спокойствием. Это были два римских воина, а также старый карфагенянин и кельтибер.

Римлянин вспомнил свое участие в сражении на Эгатских островах, бывшем более двадцати лет тому назад.

– Знаю я вас, – заносчиво говорил он карфагенянину. – У вас республика торгашей, рожденных для плутовства и мошенничества. Я согласен, что вы возьмете первенство в умении подороже продать, надув покупателя. Но если говорить об умении воевать, о настоящих мужчинах, то лучшими из них будем мы, сыны Рима, которые держат одной рукой плуг, а другой – копье.

---

⁴⁵ Керамик – квартал гончаров в древних Афинах. Располагался с внешней стороны западной крепостной стены.

И он с гордостью поднял свою круглую начисто обритую голову, с твердыми мозолями от нащечников шлема.

Актеон смотрел через окно на кельтибера, единственного из группы, который сохранял показное спокойствие. Кельтибер не спускал глаз с бронзового шлема римского воина, с его обнаженной шеи, точно хищник, привлеченный видом толстых вен, которые выступали под кожей. Без сомнения, этот хищный взгляд греку где-то встречался, был ему давно знаком, но имя обладателя этого взгляда никак не вспоминалось. Грек своим тонким чутьем угадывал какую-то маску, притворство в образе кельтибера и пробормотал:

– Клянусь Меркурием, что этот человек не таков, каким я его вижу. Более всего он походит на пастуха, но бронзовый цвет его лица не свойственен кельтиберам. Их лица, загорелые на солнце, имеют иной оттенок. А его длинные, спадающие на плечи волосы кажутся париком...

Далее грек уже не изучал этого человека, так как сосредоточил свое внимание на споре между римским воином и старым карфагенянином, которые все более приближались друг к другу, чтобы лучше слышать среди шума, царящего в трактире.

– Я также был участником в печальном сражении на Эгатских островах, – говорил карфагенянин. – Там я получил этот шрам, который пересекает мое лицо. Да, вы победили нас. Но что же из этого следует? Много раз я видел ваши корабли, преследуемые нашими, и не раз на полях Сицилии я насчитал сотни римских трупов. О! Если бы Ганнон⁴⁶ в день сражения прибыл на острова не так поздно. Если бы Гамилькар получил подкрепление!

– Гамилькар! – воскликнул презрительно римлянин. – Великий полководец, который хотел победить нас, но сумел достичь лишь того, чтобы предложить нам мир. Коммерсант, превращенный в завоевателя!..

И с заносчивостью сильного римлянин смеялся, не боясь гнева старого карфагенянина, который заикался, пытаясь возражать.

Кельтибер, который до сих пор молчал, опустил свою руку на плечо старика.

– Молчи, карфагенянин. Римлянин прав. Вы, по сравнению с ними, несведущие в войне лавочники. Вы слишком любите деньги и потому не умеете господствовать мечом. Но люди твоего сословия ведь не составляют всего населения Карфагена. Есть другие, родившиеся там же, которые сумеют устоять перед мужичьем Италии.

Римлянин, видя, что в их спор вступил сельский житель, стал еще заносчивее и наглее.

– И кто ж это такой, кто сумеет устоять? – крикнул он с презрением. – Не сын ли Гамилькара? Этот мальчишка, мать которого, как говорят, была рабыня?

– Вспомни, римлянин, что одна блудница родила сыновей, которые основали Город⁴⁷. И не далек тот день, когда лошадь Карфагена лягнет волчицу Ромула.

Римский воин поднялся, дрожа от негодования и ища свой меч, но в то же мгновение издал дикий крик и упал, хватаясь за горло.

Актеон видел, как кельтибер опустил руку под военный плащ и, вытащив нож, полоснул воина вдоль шеи, которую с хищным вниманием изучал, пока тот издевался над Карфагеном.

Трактир задрожал от шума начавшейся драки. Другой римлянин, видя своего товарища упавшим, бросился на кельтибера с высоко поднятым мечом, но мгновенно получил удар ножом в лицо, и почувствовал себя ослепленным кровью.

Ловкость этого таинственного сельского жителя была изумительна. Его движения отличались пластичностью, как у пантеры. Летящие в него предметы, казалось, отскакивали от его тела, не нанося вреда. Вокруг сыпался град разбитых кувшинов, обломков амфор, мелькали в

---

⁴⁶ Ганнон II Великий – государственный деятель Карфагена. В 241 году до н. э. возглавил флотилию, направлявшуюся на помощь карфагенским войскам в Сицилии, сражавшимся против римлян, однако в ключевом морском сражении при Эгатских островах карфагеняне потерпели полное поражение.

⁴⁷ Игра слов. Проститутки в Древнем Риме назывались волчицами, но два брата, основавшие Рим, были, согласно легенде, рождены настоящей волчицей.

воздухе клинки мечей, но он, с поднятой рукой, в которой сжимал нож, сделал быстрый прыжок к дверям и скрылся.

– За ним! За ним! – вопили римляне, преследуя его.

И, привлеченные грубым удовольствием охоты за человеком, за ними последовали из трактира все, кто только еще мог держаться на ногах. Толпа людей, возбужденная видом крови, прыгала через умирающего римлянина и бесчувственных пьяниц, которые храпели подле тела, испускающего последний вздох. Грек видел, как они выбежали и, разделившись на отдельные группы, ринулись в различных направлениях, чтобы поймать кельтибера. Но тот скрылся в нескольких шагах от трактира, точно растаял во мраке.

Гавань заволновалась, охваченная горячкой погони. Замелькали огни на набережной и на улочках предместья. Лупанары и харчевни подвергались строгому обыску со стороны римлян, опьяненных злостью. У дверей каждой лачуги возникали новые ссоры, могущие перейти в кровавую расправу, и грек, боясь быть вовлеченным в распрю, быстро направился к лестнице храма. Бачис не вернулась, и грек, поднявшись по голубым ступеням, очутился во дворе храма, широкой площадке, вымощенной плитами голубого мрамора, на которые колоннада, поддерживающая фронтон, бросала косые линии теней.

* * *

Просыпаясь, Актеон почувствовал на лице солнечное тепло. Где-то недалеко пели птицы на оливковых деревьях, а прямо возле него звучали голоса. Очнувшись, грек с удивлением увидел, что наступило утро, тогда как он был уверен, что прошло несколько минут с тех пор, как им овладел сон.

Молодая женщина, патрицианка, стояла в нескольких шагах от него и улыбалась. Ее широкое одеяние было из белой льняной ткани, которая, словно одеяние статуи, спускалась изящными складками к ногам. Волос под капюшоном плаща не было видно, кроме нескольких светлых завитков, спадающих на лоб. Губы были крашены. Черные глаза с густыми, будто бархатными ресницами, смотрели мягко и ласково. Особую выразительность им придавал голубоватый ореол от утомления после бессонной ночи. При малейшем движении рук под плащом звенели серебряным звоном невидимые драгоценные украшения, а кончик сандалии, видневшийся из-под края одеяния, сверкал, точно алмазная звезда.

Позади женщины две стройные рабыни-кельтиберки со смуглой, пышной, почти обнаженной грудью и бедрами, опоясанными цветастой тканью, несли дары, очевидно, предназначенные для богини. Одна служанка держала пару голубей, а другая – корзинку, полную роз, причем не в руках, а поставив ее себе на голову.

Возле красивой патрицианки Актеон увидел Полианто, сагунтского капитана, и молодого человека, надушенного и изящного, который был на набережной с другим всадником во время прибытия корабля.

Грек невольно встал, пораженный прекрасным видением, которое улыбалось ему.

– Афинянин, – обратилась к нему женщина по-гречески, с чистейшим произношением. – Я – Сонника, собственница корабля, который тебя сюда доставил. Полианто – мой вольноотпущенник и он очень хорошо поступил, привезя тебя в город. Он ведь знает, что твой народ привлекает меня. Кто ты?

– Я – Актеон и молю богов, чтобы они осыпали тебя милостями за твою доброту. Да сохранит Афродита твою красоту на всю жизнь.

– Ты мореплаватель?.. Или купец? Быть может, странствуешь по свету, преподавая уроки красноречия и поэзии?

– Я воин, по примеру всех моих предков. Мой дед умер в Италии, защищая великого Пирра⁴⁸, который оплакивал его, как брата. Мой отец возглавлял наемников на службе у Карфагена, и его несправедливо лишили жизни во время войны, которую называют Непримиримой⁴⁹.

Несколько секунд он молчал, словно это воспоминание мешало ему продолжать, лишив голоса, а затем добавил:

– Я сражался до тех пор, пока не смолкли приказания Клеомена⁵⁰, последнего достойного лакедемонянина⁵¹. Я был одним из его сотоварищей, и когда герой оказался побежденным, я сопровождал его в Александрию Египетскую. Изъездив свет, я снова вернулся на родину, будучи не в силах выносить изгнание. Я также был купцом на острове Родос, рыбаком у берегов пролива Босфор, земледельцем в Египте и сатирическим поэтом в Афинах.

Красавица Сонника улыбалась, приблизившись к нему. Он был истинным афинянином, обладающим всеми качествами этого столь любимого ею народа: одним из тех искателей приключений, привыкших к превратностям судьбы, объездивших весь свет и на старости лет записывающих хронику своих деяний.

– А почему ты прибыл сюда?

– Я здесь так же случайно, как мог бы очутиться в другом месте. Твой капитан предложил довести меня в Зазинто, и я согласился. Я тосковал в Новом Карфагене. Меня могли принять в войско Ганнибала. Мне было бы достаточно для этого заявить о своем происхождении: греки дорого оплачиваются во всех войсках. Но здесь тоже война, и я предпочитаю идти против турдетанов, служить городу, которого не знаю.

– И здесь, при храме, ты провел минувшую ночь? Разве ты не нашел приюта в трактирах?

– Я не нашел ни единого оболы в своем кошельке. И если мне удалось поужинать, то только благодаря доброте одной несчастной блудницы, которая поделила со мной свою скромную долю пищи. Я беден и отошал от голода. Но не жалея меня, Сонника, не гляди на меня с состраданием. Я также устраивал пиры, которые длились от заката до восхода. На Родосе в часы песен мы кидали из окон рабам серебряные блюда. Жизнь человека должна быть, как жизнь героев Гомера: то царь, то нищий.

Полианто смотрел с интересом на этого искателя приключений, а изнеженный и изящный Лакаро, который поначалу даже не хотел, чтобы его приятельница Сонника будила грека, столь плохо одетого, приблизился к нему, признавая изящество афинянина даже в этом убогом костюме. Лакаро решил сделать афинянина своим другом, чтобы получить от него несколько полезных уроков.

– Приходи сегодня в мой загородный дом, – сказала Сонника, – приходи на закате. Ты отужинаешь с нами. Спроси первого встречного, где моя вилла, и каждый укажет ее тебе. Один из моих кораблей привез тебя в этот порт, и я хочу, чтоб под моим кровом ты нашел радушный прием. До скорого свидания, афинянин. Я ведь также из Афин и, когда вижу тебя, мне кажется, что пред моими глазами все еще сверкает золотое копьё, которое держит Афина Паллада в главной зале Парфенона, который возвышается над городом. – Она посмотрела на дротик, который служил Актеону дорожным посохом, а сейчас просто лежал на мраморных плитах храмового двора.

---

⁴⁸ Пирр Эпирский (319–272 гг. до н. э.) – царь, ведший войны с Римом. Исход одного из сражений, где Пирр победил, но потерял слишком много бойцов, породил крылатое выражение «Пиррова победа».

⁴⁹ Непримиримая война (240–238 гг. до н. э.) велась властями Карфагена против своего взбунтовавшегося наемного войска, которому не заплатили жалование.

⁵⁰ Клеомен III – спартанский царь в 235–221 гг. до н. э. С помощью радикальных реформ сумел ненадолго восстановить угасающую военную мощь Спарты, но потерпел поражение в длительном конфликте с Македонией и вынужден был бежать в Египет.

⁵¹ Лакедемон – то же, что Спарта.

Затем Сонника улыбнулась афинянину на прощание и направилась к храму, сопровождаемая двумя своими рабынями.

Актеон слышал, что говорили Лакаро и Полианто, стоя возле храма. Минувшая ночь была проведена в доме Сонники. Лишь с восходом солнца закончилось застолье. Голова Лакаро все еще была украшена венком пиршества с увядшими и лишенными листьев розами. Сонника узнала, что танцовщицы из Гадеса, которых она с нетерпением ждала, прибыли и стремились предложить ей свои услуги в развлечении гостей на пирах. Заодно она пожелала увидеть Полианто и свой корабль, а также захотела по пути принести жертву Афродите, как делала это всегда, посещая порт. Так в своих больших носилках она отправилась в путь, сопровождаемая Лакаро и двумя рабынями, а по возвращении собиралась лечь спать, потому что привыкла проводить большую часть дня в постели, до позднего вечера.

В итоге капитан вернулся к своему кораблю, чтобы высадить танцовщиц, а Актеон направился с Лакаро к открытым дверям храма.

Интерьер отличался простотой и изяществом. В кровле здания было оставлено незакрытым большое пространство квадратной формы, чтобы освещать храм. Солнце, проникая сквозь это окно, придавало зеленоватый оттенок морской воды голубым колоннам с их верхними частями, изображающими раковины, в то время как фигуры дельфинов обвивали основание. В глубине, в мягкой тени, наполненной жертвенными курениями, возвышалась богиня, белая, гордая и прекрасная в своей наготе, будто только что вышедшая из морской пены и представшая перед изумленными взорами людей.

Недалеко от дверей стоял жертвенник. Подле него жрец в широком льняном одеянии, увенчанный венком цветов, принимал из рук Сонники дары для богини.

Когда Сонника вышла во двор храма, она обвела восхищенным взглядом море, покрытое пеной, порт, который сверкал, точно тройное зеркало, зеленую и безграничную долину и далекий город, озаренный золотым сиянием первых солнечных лучей.

– Какая красота!.. Взгляни, Актеон, на наш город. Греция не превосходит его.

У подножия лестницы ее ожидали носилки, настоящий маленький дом с пурпурным пологом, украшенный по четырем углам страусовыми перьями.

Сонника вошла в это подвижное жилище, переносимое рабынями, отстранила Лакаро, с которым обращалась, будто с низшим существом, приближаемым лишь по капризу, и снова взглянув на грека, стоящего у входа в храм. Она в последний раз улыбнулась и сделала прощальный жест рукой, унизанной до ногтей драгоценными перстнями, так что при каждом движении пальцев в воздухе разливались лучи света.

Носилки стали быстро удаляться по дороге, идущей в город, и в то же время Актеон почувствовал, что его шею ласково обвивают чьи-то руки.

Это была Бачис, еще более поблекшая и оборванная при свете солнца. Под глазом у нее был багровый синяк, а на руках – фиолетовые пятна.

– Я не могла освободиться и прийти, – сказала она с покорностью рабыни. – Что за народ! Мне едва удалось заработать, чтобы заплатить Лаис... Всю ночь я думала о тебе, мой бог, в то время как меня мучили эти сатиры, которые мерзко фыркали мне в лицо.

Актеон невольно отвернулся, избегая ее ласк. Он слышал запах вина, идущий от этой несчастной, охмелевшей и изнуренной после своих ночных походов.

– Ты избегаешь меня?.. Я понимаю. Я видела тебя беседующим с Сонникой Богачкой, которую ее друзья называют первой красавицей Зазинто. Не станешь ли ты ее любовником? Я понимаю, что она будет обожать тебя, но ведь она такая же женщина, как и я... не более... Скажи, Актеон: почему ты отталкиваешь меня? Почему не сделаешь своей рабой?.. Проведи со мной хоть одну ночь, и я буду вечно тебе благодарна.

Грек отвел ее худые руки, которые пытались обнять его, и устремил взгляд на дорогу, откуда доносились звуки труб и виднелись среди большого облака пыли сверкающие каски и копья.

– Это едут послы Рима, – сказала куртизанка.

И очарованная впечатлением, производимым военными на ее детское воображение, она спустилась с лестницы храма, чтобы лучше видеть шествие.

Впереди шли трубачи римского корабля, трубящие в свои длинные металлические трубы, со щеками, перевязанными широкими шерстяными лентами. Конвой из граждан Сагунта окружал послов, гарцуя на своих мохнатых кельтиберских лошадях, держа в руках копья и прикрыв головы шлемами с тремя гребнями, еще носившими следы ударов, полученных в последних стычках с турдетанами. Несколько старейшин сагунтского Сената с неподвижной степенностью восседали на своих больших лошадях. Белые бороды спускались на грудь, а темные плащи с широкими складками, доходящие до стремян, одним краем были наброшены на голову и придерживались вышитыми тиарами. Могучий воин-классияр держал алое знамя Рима, где древко было увенчано изображением волчицы, а позади следовали послы с обнаженными бритыми круглыми головами: один – тучный, с тройным от жира подбородком, другой – сухопарый, нервный, с острым носом, как у хищной птицы. Оба были в броне из шлифованной бронзы, в металлических поножах, защищающих их ноги от колена до щиколотки. Под броней виднелась туника темно-вишневого цвета, снизу похожая на юбку средней длины. Кожаный пояс был украшен спереди свободно свисающими полосками из золота, которые колебались при малейшем движении лошадей.

На набережной среди групп моряков, рыбаков и рабов виднелась кучка закутанных в плащи женщин, которые шли в сопровождении старика с наглым взглядом, сжатыми губами и с тем отталкивающим выражением, которое лежит на лицах евнухов, живущих в постоянном общении с женщинами-рабынями. Это были танцовщицы из Гадеса, которые, сойдя с корабля Полианто, проходили набережную, оглушенные неожиданным шумом торжественного шествия.

Несколько женщин рыбацкой гавани поднесли послам венки, сплетенные из цветов с ближайших гор и из лилий, растущих в лагуне. Крики приветствия раздавались вдоль пристани, на которой среди возбужденной толпы стояли безучастные группы моряков всех стран.

– Привет Риму! Да покровительствует вам Нептун! Боги да сопутствуют вам!

Актеон услышал позади себя глумливый взрыв смеха и, оглянувшись, увидел кельтиберского пастуха, который минувшей ночью убил римского воина.

– Ты здесь? – сказал грек с изумлением. – Ты один и не бежишь от римлян, которые тебя ищут?

Надменные глаза пастуха, те глаза, которые пробудили в греке смутные и непонятные воспоминания, гордо взглянули на него.

– Римляне!.. Я их презираю и ненавижу. Я пошел бы без страха хоть на палубу их корабля... Занимайся своими делами, Актеон, и не вмешивайся в мои.

– Откуда знаешь ты мое имя? – воскликнул грек с возрастающим изумлением, удивляясь также, насколько чисто простой пастух говорил по-гречески.

– Мне известно твое имя и все известно про твою жизнь. Ты сын Лисиаса, военачальника, бывшего на службе у Карфагена, и, как все люди твоей нации, ты странствуешь по свету, нигде не встречая блага.

Грек, всегда уверенный в своих силах и не терявшийся ни при каких обстоятельствах, почувствовал себя смущенным перед этим загадочным человеком.

Кельтибер же, поглощенный созерцанием шествия, провожающего послов, повернулся спиной к Актеону. Глаза его выражали ненависть и презрение при виде сверкающей на солнце бронзовой волчицы римского знамени, приветствуемого сагунтцами.

– Они мнят себя сильными, они уверены в себе потому, что Рим покровительствует им. Они воображают, что Карфаген умер потому, что его Сенат, состоящий из торгашей, боится нарушить договор с Римом. Они обезглавили сагунтских друзей Карфагена, тех, которые были давнишними сторонниками рода Баркидов и выходили приветствовать Гамилькара Барку, когда он проезжал вблизи города, отправляясь в свои походы. Но они не знают, что есть тот, который не дремлет... Мир слишком тесен для двух народов. Быть или одному, или другому!..

Возгласы толпы, приветствовавшей ялик, на котором послы отплывали к либурне, и шумные звуки труб, которые гремели на носу корабля, казалось, действовали на пастуха, словно удары бича, и со стиснутыми зубами, с глазами, покрасневшими от гнева, он простер свои могучие руки к кораблю и издал возглас, как зловещую угрозу:

– Рим!.. Рим!..

Глава II. Город

Солнце стояло уже высоко, когда Актеон направился в город по дороге, называемой Змеиной.

По пути ему встречались тележки, нагруженные бурдюками с маслом и амфорами с вином. Ряды рабов, согнутых под тяжестью ноши и с запыленными ногами, чтобы дать греку пройти, отступали к краю дороги с покорностью и приниженностью, испытываемыми ими перед свободным человеком. Актеон на минуту приостановился перед масляными мельницами, глядя на громадные вертящиеся камни, приводимые в движение скованными рабами, а затем двинулся дальше, огибая горы, на вершинах которых возвышались *спекулы*, дозорные башни. Они своими красными огнями возвещали Акрополю Сагунта о прибытии кораблей или же о движениях, замечаемых на противоположном косогоре, где начинались владения враждебных турдетанов.

Бесконечные поля раскинули свои плодородные борозды под золотым дождем утреннего солнца. Из деревень, из сельских домов, из всех бесчисленных жилищ, беспорядочно разбросанных на всем протяжении долины, люди стекались на Змеиную дорогу, направляясь в город.

Большинство сагунтского населения жило в деревне, обрабатывая землю. Город был сравнительно мал. В нем жили только купцы и богатые землевладельцы, городское начальство и иностранцы. Но когда грозила какая-нибудь опасность, когда турдетаны предъявляли права на сагунтскую землю, тогда весь народ стекался в город, ища убежища и защиты за его стенами. Тогда поселяне, гоня впереди себя свой скот, шли слиться с ремесленниками Сагунта, укрываясь в городе, который обыкновенно посещали лишь в торговые дни.

Актеон догадался по многочисленному стечению народа, наполнявшего дорогу, что сегодня базарный день на Форуме. Рядами шли поселянки, неся на головах корзины, прикрытые листьями, одетые лишь в темную тунику, которая, спадая вдоль тела, обрисовывала его грубые формы при каждом шаге. Землепашцы, загорелые, сильные, в коротком одеянии из кожи или грубой ткани, подгоняли волов, запряженных в телеги, или ослов, навьюченных ношей. Вдоль дороги среди облаков красной пыли, поднимаемой копытами бегущих животных, раздавались непрерывный звон колокольчиков козьих стад и протяжное мычание коров.

Некоторые семьи уже возвращались с базара, показывая с гордостью обновки, приобретенные в лавках Форума взамен своих плодов, и приятели приостанавливались, чтобы полюбоваться новыми тканями, чашами из красной глины, свежими и блестящими, а также женскими украшениями, грубо сделанными из чистого серебра. Приятели-ценители восхищались видом этих вещей и поздравляли покупателей, заставляя краснеть от гордости.

Смуглые девушки, худые и крепкие, большелобые, с распущенными по кельтиберскому обычаю волосами, шли по две, неся на плечах длинные жерди, на которых висели связки цветов, предназначенные для продажи благородным горожанкам. Другие несли завернутые в листья, для защиты от пыли, громадные грозди красных вишен. Время от времени, сопровождаемые взрывами смеха, девушки подпрыгивали и кричали, пародируя голоса и жесты богатой молодежи Сагунта, которая, к большому негодованию города, собиралась в саду Сонники, чтобы там перед изображением бога Диониса, также называемого Вакхом, подражать прекрасным вакхическим безумствам Греции.

Актеон любовался красотой пейзажа. Рощицы смоковниц, которыми славился Сагунт, начинали покрываться листьями, образуя из своих ветвей зеленые шатры, спускающиеся до самой земли. Виноградные лозы, точно изумрудная зыбь, покрывали всю окрестность и вились на отдаленных горах, достигая сосновых и дубовых рощиц, а поля оливковых деревьев, симметрично посаженных на рыжей почве, образовывали как будто колоннаду с пирамидальными верхушками серебристой листвы. Вид этого прекрасного пейзажа взволновал Актеона, пробу-

див в нем воспоминание детства. Эта долина была так же хороша, как и родная Греция. Здесь он останется, если только богам не будет угодно снова толкнуть его в безнадежные скитания по свету.

Грек шел уже более часа, все время видя впереди себя гору с раскинувшимся на ее склоне городом, а наверху – бесчисленные здания Акрополя. На одном из поворотов дороги он заметил, что народ останавливается перед жертвенником: длинным каменным алтарем, на котором распростерла свои чешуйчатые кольца голубого мрамора громадная змея. Поселяне клали цветы и ставили глиняные чаши, наполненные молоком, перед неподвижным животным, которое своей поднятой головой и открытой пастью, казалось, угрожало людям. На этом самом месте змея укусила несчастного Зазинто, когда он возвращался в Грецию с быками, похищенными в Героне⁵², и вокруг его труп, сожженного на холме Акрополя, основался город. Простой народ поклонялся гадине как одному из основателей родины и с ласковыми словами окружал ее приношениями, которые таинственно и быстро исчезали: многие верили, что с наступлением мрака змея оживает, так как слышали в грозные ночи ее ужасный свист, разносящийся на далекое расстояние.

Актеон догадался о близости Сагунта по могильным камням, которые возвышались по обе стороны дороги и привлекали внимание прохожего своими надписями. Позади них раскинулись сады загородных вилл, окруженные густыми изгородями, над которыми виднелись ветки фруктовых деревьев. Несколько рабынь смотрели на детей, совершенно нагих, с чертами греческого типа, которые играли и боролись. У ворот одного из садов тучный старик, одетый в пурпурную хламиду, смотрел с холодной гордостью разбогатевшего коммерсанта на движущиеся волны простого люда. На террасе одной из вилл Актеон заметил женщину, причесанную по афинской моде – волосы были выкрашены золотым порошком и перевиты красными лентами. Подле колебалось опахало из разноцветных перьев азиатских птиц. Это были богатые виллы сагунтских патрициев, вышедших из негоциантов.

Приближаясь к реке, к Беатис-Перкес⁵³, которая отделяла город от его окрестностей, грек заметил, что рядом с ним идет молодая девушка, почти девочка, впереди которой бежало стадо коз. Стройная, тонкая, но сильная, со смуглой бархатистой кожей, она походила на мальчика, но не была им, так как короткая туника, с разрезом по левой стороне, позволяла разглядеть ее грудь, слегка выдающуюся. Черные глаза, влажные и большие, казалось, заполняли все ее лицо, озаряя его таинственным сиянием. Легкая улыбка губ, горячих и воспаленных от ветра, позволяла видеть сверкающие зубы – белые, крепкие, ровные. Пышные волосы, связанные узлом на затылке, она украсила гирляндой полевых маков, собранных среди ржи. На плече девушка несла с мужской легкостью тяжелую сетку, наполненную белыми сырами, круглыми, как хлебы, свежими и еще сочащимися сывороткой, а свободной рукой ласкала белую шерсть козы, своей любимицы, которая прижималась к ногам хозяйки, звеня медным колокольчиком, привешенным к шее.

Актеон с удовольствием рассматривал эту юную фигуру, на которой оставил свой след тяжелый сельский труд, но свежая молодость торжествовала над усталостью. Стройность, прямые и гармоничные линии этого тела напоминали изящество статуэток на столах афинских домов или высокомерную юность раскрашенных черной краской канефор⁵⁴ на боках греческих ваз.

Девушка несколько раз взглянула на Актеона и, наконец, улыбнулась, показав зубы с уверенностью кокетки, которая чувствует, что ею восхищаются.

– Ты ведь грек, да?..

⁵² Герона (Жирона) – город на северо-востоке современной Испании.

⁵³ Название переводится как «богатая окунями».

⁵⁴ Канефора – изображение женской фигуры с корзиной на голове.

Жители порта говорили с Актеоном на странном языке торгового города, открытого для всех народов, – на смеси кельтиберийского, греческого и латыни. Так же говорила и девушка.

– Я из Афин, – ответил грек. – А кто ты?

– Меня зовут Ранто, а мою госпожу – Сонника Богачка. Ты о ней слышал? У нее есть корабли в порту, сотни рабов и она пьет вино из золотых чаш. Видишь маленькую розовую башенку над оливковыми деревьями на берегу моря? Это загородный дом, где она живет, как только зима позволяет ей покинуть город. Я приписана к поместью и в теплые периоды года становлюсь ее служанкой. Мой отец присматривает за ее стадом, и она часто приходит на наш скотный двор, чтобы поиграть с козами.

Актеон был поражен тем, как часто он слышал о Соннике с тех пор, как ступил на землю Сагунта. Имя этой богатой женщины, которую одни называли богачкой, а другие куртизанкой, было у всех на устах. Пастушка, которая, казалось, чувствовала некую симпатию к незнакомцу, продолжала говорить:

– Она хорошая. Время от времени она кажется грустной, говорит, что падает в обморок от скуки среди своих богатств и что все ей безразлично, но затем она спокойно позволяет управляющему распять рабов, которые не слушаются. Зато когда госпожа счастлива, то она добра и спасает нас от наказания. Плохой человек – это ее управляющий, тот, кто отвечает за рабов. Вольноотпущенник ибериец, который следит за нами и ежеминутно угрожает нам кнутом и распятием на кресте. Моего отца несколько раз ругали за потерянную овцу, за погибшую козу, за пролитое молоко на сыроварне. Я бы и сама получала от управляющего пощечины, если бы не почтение, которое он часто испытывает передо мной, видя, как меня балует Сонника.

Ранто говорила об ужасном положении рабов с искренностью существа, привыкшего с рождения нести подобные тяготы.

– Зимой, – продолжала она, – я иду с отцом в горы и с нетерпением жду наступления теплой погоды, чтобы госпожа могла вернуться в деревню, а я могла бы спуститься на равнину, где есть цветы. Тогда я могу провести целый день в тени деревьев, с моими козами.

– А как ты выучила греческий?

– Сонника говорит на этом языке с богатыми людьми в городе, которые являются ее друзьями, и с рабами, которые ей служат. Кроме того...

Девушка на мгновение замерла, и ее бледные щеки зарделись.

– Кроме того, – весело продолжала она, – мой друг Эросион, сын лучника Мокса, приехавшего с греческого острова Родос, также говорит на этом языке. Мой друг помогает мне ухаживать за козами, когда не работает в гончарной мастерской, которая тоже принадлежит Соннике.

И девушка указала на большие мастерские рядом с рекой – знаменитые гончарные мастерские Сагунта. Верхние части печей для обжига, в форме полусферы, возвышались между глиняными стенами, напоминая огромные красные улы.

На обочине дороги, среди деревьев, раздались нежные звуки тростниковой свирели. Эти звуки вдруг стали безумно радостными, и Актеон увидел, как на дорогу выскочил юноша, почти такого же возраста, как Ранто. Юноша был высокий, стройный, босой и без какой-либо одежды, если не считать козью шкуру. Она, скрепленная на левом плече и оставлявшая правое открытым, окутывала его тело от пояса до колен. Глаза его были похожи на пылающие угли, а черные волосы с голубоватым отливом, вьющиеся кудрями, образовали как будто густую овечью шерсть и шевелились при резких движениях головы. Руки, худые и сильные, с кожей, под которой местами вздувались вены и сухожилия, были по локти окрашены в красный цвет глины. Глину, если постоянно с ней работаешь, весьма трудно отмыть.

Актеон, размышляя о правильных чертах прекрасного юноши, который не мог и двух мгновений оставаться на одном и том же месте, вспомнил учеников афинских скульпторов.

Один молодой художник в солнечные дни, прежде чем вернуться в свою студию, шокировал мирных горожан своими мальчишескими играми на улице Керамика.

– Это Эросион, – сказала Ранто, мило улыбнувшись при виде своего друга. – Хотя он и родился в Сагунте, но он грек подобно тебе, иностранцу.

Юноша не смотрел на девушку. Он смотрел на незнакомца, причем с явным уважением.

– Ты из Афин, да? – сказал он с восхищением. – Этого нельзя отрицать. Ты похож на Одиссея, путешествовавшего по миру и пережившего множество приключений, описанных Гомером, отцом поэзии. Я как будто видел тебя прежде – на вазах и барельефах. По фигуре и одежде ты похож на мужа Пенелопы. Радуйся, сын Афины Паллады.

– А ты тоже раб Сонники?

– Нет, – быстро и надменно сказал юноша. – Это Ранто – рабыня... но, возможно, однажды перестанет ею быть. А я свободен, мой отец – Мокс, грек с Родоса и первый лучник Сагунта. Он приехал оттуда, не имея при себе никакого имущества, кроме лука и стрел, а сегодня, после последнего похода против турдетанов, он богат и занимает первое место в городском ополчении. Я работаю в гончарной мастерской Сонники, где меня очень любят. Именно госпожа дала мне имя Эросион, потому что в детстве я выглядел как амурчик. Я не из тех, кто месит глину и вращает колесо, чтобы придать форму сосудам. Меня называют художником: я создаю бордюры из листовы, леплю животных, могу вылепить голову Дианы по памяти, и никто, кроме меня, не может высечь на глине большую печать Сагунта. Знаешь, как она выглядит? Корабль с убранными парусами, с тремя рядами весел и летящая над ним богиня Победа в длинных одеждах, возлагающая венки на нос судна. Если пожелаешь, я могу вылепить твой портрет...

Но юноша остановился, смущенный этими последними словами, и грустно добавил:

– Ты, наверное, сейчас посмеешься надо мной, чужестранец? Ты родом оттуда, из той чудесной страны, о которой мне так часто рассказывает отец. Ты видел Парфенон, храм Афины, который моряки замечают на море задолго до того, как видят очертания самого города Афины, удивительный парад коней на метопах⁵⁵, чудеса Фидия... Как же я хочу увидеть все это! Когда в порт приходит корабль из Греции, я убегаю из гончарной мастерской и провожу дни в тавернах моряков. Я пью с ними, я дарю им статуэтки женщин в непристойных позах, чтобы повеселить, и все это для того, чтобы они рассказали мне, что видели: храмы, статуи, картины. Но их рассказы, вместо того чтобы успокоить меня, распалют мое воображение... О, если бы только Сонника разрешила! Если бы она позволила мне отправиться на одном из своих кораблей, когда они отплывут в Грецию!..

Затем он с чувством добавил:

– Та, кого ты видишь здесь, моя милая Ранто, – единственная, кто держит меня здесь. Если бы ее не было, я давно бы нашел капитана корабля, чтобы уплыть. Я продал бы себя в рабство в оплату за проезд, если понадобится. Чтобы путешествовать по миру, видеть Грецию и быть художником, одним из тех, кому оказывают такие же почести, как богам.

Они втроем долго шли молча, следуя за небольшим облаком пыли, поднятом козым стадом. Юноша медленно успокаивался рядом с Ранто, которая взяла его за руку.

– А зачем ты сюда приехал? – спросил юноша у Актеона.

– Я приехал подобно твоему отцу. Я грек, не имеющий никакого имущества, и хочу послужить Сагунтской республике в качестве воина в ее противостоянии с турдетанами.

– Поговори с Моксом, моим отцом. Ты найдешь его на Форуме или в Акрополе, возле храма Геркулеса, где заседают наши городские власти. Он будет рад тебя видеть. Он очень уважает афинян и будет поручителем за тебя перед городом.

---

⁵⁵ Метопы Парфенона – серия из 92 квадратных мраморных барельефов на фасаде Парфенона. Автором большинства из них считается Фидий.

Снова наступила тишина. Грек видел, как юноша и девушка обменивались влюбленными взглядами, как крепко эта пара держалась за руки, сплетая пальцы, как нежно касались друг к другу их молодые тела, полные жизни, которые искали друг друга, поддерживали друг друга в пути. Эросион, словно повинувшись безмолвной мольбе своей возлюбленной, вынул из-за пазухи тростниковую свирель и заиграл, выводя нежную пастушью мелодию, на которую козы отвечали блеянием.

Грек догадался, что его присутствие тяготит счастливую пару. Они все больше и больше замедлялись.

– Прощайте, дети, – сказал он. – Идите медленно и не бойтесь опоздать. Молодежь всюду появляется вовремя. Увидимся в городе.

– Да хранят тебя боги, незнакомец, – ответила Ранто. – Если тебе что-то понадобится, ты найдешь меня на Форуме. Там я буду продавать эти сыры и другие, которые привез на рассвете садовник в тележке.

– Прощай, афинянин. Поговори с моим отцом, – добавил Эросион, – но не говори, с кем ты меня видел.

* * *

Актеон перешел вброд реку между телегами, погруженными по самые оси в воду, и очутился перед стенами города, удивляясь их монументальности: необработанные каменные основания без всякого скрепляющего раствора поддерживали стены и башни прочного сооружения.

У ворот Змеиной дороги, считавшихся главными, ему пришлось задержаться из-за скопления людей, повозок и лошадей, которые заполняли узкий проход. Внутри города, почти прилегая к стене, находился храм Дианы, святилище, известное по своей древности всему миру и пользующееся не меньшей славой у сагунтцев. Актеон полюбовался кровлей храма из можжевеловых досок, ценных из-за своей старинной выделки, и, желая поскорей ознакомиться с городом, пошел дальше.

Он находился на прямой улице, в конце которой возвышались здания, образующие громадную квадратную площадь с великолепными строениями, поддерживаемыми арками, под которыми сновала толпа. Это был Форум. Поверх крыш вдали виднелись многочисленные дома и белые ограды: город поднимался как будто ступенями по склону горы, а на вершине – стены Акрополя, колоннады храмов, поддерживающие фризы из огромных камней, покрытых барельефами.

Актеон, продолжая идти по улице, ведущей к Форуму, невольно вспомнил портовый квартал Пирея в Афинах. Это была торговая часть города, населенная по преимуществу греками. Через окна, расположенные довольно низко от земли, видна была трудовая жизнь. Рабы перетаскивали тюки, молодые люди с завитыми бородами и носами хищных птиц чертили на восковых табличках сложные подсчеты торговых оборотов, а перед дверями домов на маленьких столах были выставлены образцы предметов торговли: горки пшеничных зерен, тюки шерсти и тяжелые камни, добытые в шахтах. Купцы стояли, прислонясь к косякам дверей, и разговаривали со своими покупателями, призывая в свидетели богов.

В некоторых лавках хозяин в одежде с золотыми цветами, в высокой шапке и пурпурных сандалиях, с загадочными глазами сфинкса молчаливо слушал покупающих, поглаживая локоны своей надушенной бороды. Это были купцы из Африки и Азии, карфагеняне, египтяне или финикийцы, которые хранили в своих домах драгоценные ткани, золотые вещи, слоновую кость, страусовые перья и янтарь. Перед их дверями останавливались богатые женщины, окутанные белыми мантиями и сопровождаемые рабынями. Разговаривая, они просовывали свои любопытные носики вовнутрь магазина, пьянея от дыхания чужеземных ароматов, исходящих от возбуждающих пряностей Азии и таинственных благовоний Востока. Среди товаров вели-

чественно прохаживались со странными криками редкие, привезенные из тех же стран, птицы, которые влекли за собою, как настоящую мантию, свои многоцветные перья.

Актеон, бегло осмотрев эти лавки, вошел на Форум. Был торговый день, и вся жизнь города хлынула к большой площади. Огородники разложили вокруг портиков груды своих овощей, козопасы уложили в пирамиды сыр перед ковшами, наполненными молоком, а портовые женщины, загорелые и полунагие, предлагали свежую рыбу, лежащую на листьях в камышовых корзинах. В одном конце горные пастухи с диким видом, вооруженные небольшими копьями, присматривали за коровами и лошадьми, помещенными на рынке. Это были кельтиберы, те, о которых с ужасом говорили, что они часто едят человеческое мясо. Казалось, они были поглощены жизнью площади, следя недружелюбным взглядом за всем этим движением улья, столь непохожим на своеобразное одиночество их скитальческой жизни. Богатства Сагунта раздражали их воровские инстинкты, и, сжимая копье, они глядели дикими глазами на группу вооруженных наемников, состоящих на службе у города, которые в глубине Форума на ступенях храма охраняли сенатора, на которого возлагалась обязанность чинить правосудие в торговые дни.

В центре площади, покупая и споря, волновалась толпа, одетая в тысячу тканей разнообразного цвета и говорящая на различных языках. Проходили добродетельные горожанки, скромно одетые в белое, сопровождаемые рабами, которые несли в сетках провизию, закупленную на неделю. Греки в длинных хламидах шафранового⁵⁶ цвета интересовались всем и долго торговались, прежде чем купить какую-нибудь безделицу. Сагунтские граждане, иберийцы, потерявшие свою первобытную грубость вследствие постоянных браков с представителями более культурных народов, подражали своим одеянием и манерой держаться римлянам, которые в данное время являлись людьми, наиболее уважаемыми. И среди всей этой толпы виднелись уроженцы внутренних районов материка, бородатые, загорелые, с длинными непослушными гривами волос, привлеченные торгом, несмотря на отвращение, которое им внушал город и особенно греки своими богатствами и утонченностью.

Несколько кельтиберов, представителей родов более дружественных Сагунту, разъезжали среди Форума на лошадях, не выпуская из рук копье и щит, сплетенный из воловьих жил. Защищенные шлемом с тройным султаном и кожаной кирасой, они, казалось, находились в стане врагов и боялись неприятельских козней. Жены их, подвижные, загорелые и мужеподобные, переходили с одного места рынка к другому, размахивая на ходу краями своего широкого одеяния с вышитыми на нем цветами ярких красок, и останавливались с детским любопытством перед столом какого-нибудь грека, продающего хрустальные и коралловые ожерелья, а также бронзовые безделушки грубой чеканки.

Плащи из тончайшего льна и драгоценного пурпура виднелись в толпе рядом с обнаженными телами рабов или кельтиберским плащом из черной шерсти. Греческие прически, перевитые красными лентами, – волны спущенных на затылок локонов и прикрытые челками лбы, служащие как бы признаком высшей красоты, – соседствовали с прическами кельтиберских женщин, которые оставляли лбы открытыми и укладывали волосы вокруг прикрепленной к голове небольшой палочки, образуя острый рог, с которого спускалось черное покрывало. Некоторые кельтиберки носили плотное стальное ожерелье, от которого шло несколько спиц, соединенных над прической, и с этой клетки, прикрывающей волосы, спадало покрывало, оставляя горделиво открытым громадный лоб, лоснящийся и сверкающий, как полумесяц.

Актеон провел много времени, дивясь прическам этих женщин и их мужественному и воинственному виду. Его тонкий инстинкт грека угадывал опасность в этих варварах, неподвижных на своих конях среди Форума, господствующих со своей высоты и глядящих взгля-

⁵⁶ Шафрановый – огненно-рыжий.

дом, полным ненависти, на купцов и земледельцев других национальностей. Это были хищные птицы, которые, для того чтобы питаться и существовать в своих бесплодных горах, спускались в долину в качестве грабителей. И настанет день, когда Сагунт, окруженный этими народами, должен будет вступить в борьбу со всеми ними.

Грек, размышляя об этом, вошел под своды портиков, где собирались праздные горожане перед креслами цирюльников, лавками менял⁵⁷, а также столами продавцов вин и прохладительных напитков. Актеону казалось, что он очутился на афинских галереях Агоры⁵⁸.

За небольшим исключением это была та же толпа его родного города. Вот важные граждане, за которыми раб переносил складной стул, чтобы, сидя у дверей какой-нибудь лавки, эти господа слушали новости. Вот любители сплетен, которые перебегали от одной группы к другой, распространяя самые свежие небылицы. Вот прихлебатели, ищущие приглашения покушать и лебезящие перед богачом, подле которого вертелись, и осуждающие всех, мимо проходящих. Вот учителя, до криков спорящие по поводу какого-нибудь правила греческой грамматики. А вот молодые граждане, порицающие старых сенаторов и утверждающие, что республике нужны люди более сильные.

Много говорили о последнем походе против турдетанов и о большой победе, одержанной над ними. Теперь-то они уже не подымут головы. Их царь, бежавший в самые отдаленные места своих владений, достаточно проучен недавним поражением. И сагунтская молодежь смотрела с гордостью на трофеи, состоящие из копий, щитов и шлемов, выставленные в портиках. Это было оружие нескольких сотен турдетанов, убитых или взятых в плен в последний поход.

В лавках цирюльников продавались по низкой цене мебель и украшения, награбленные сагунтскими воинами во вражеских деревнях. Никто не хотел их покупать. Город был завален подобными предметами грабежа, сагунтское войско вернулось, таща за собою целый обоз нагруженных телег и бесконечное стадо людей и животных. Все улыбались, думая о торжестве победы, с холодной жестокостью, присущей древней войне, не знающей прощения и считающей рабство наибольшим милосердием для побежденного.

Возле храма, где чинилось правосудие, производилась торговля рабами. Они сидели полукругом на земле, прикрытые рубищем, подтянув колени к подбородку и обхватив ноги руками. Люди, рожденные рабами, ожидали нового хозяина с пассивностью животных. Их отличали исхудавшие от голода тела и бритые головы, прикрытые белой шапкой. Другие, сидящие ближе к торговцу, были бородаты, и на их грязных, густых волосах лежали венки из ветвей, чтобы отличить таких людей как рабов, плененных во время войны. Это были свободные турдетаны, не могущие выкупить себя. В их глазах еще сверкали ужас и ярость от сознания, что они обращены в рабство. Многие из них были скованы цепями, и на их теле виднелись еще свежие шрамы последней битвы. Они злобно смотрели на этот враждебный им народ, судорожно сжимая челюсти, точно желая укусить. Некоторые же из них в волнении шевелили правой рукой, оканчивающейся бесформенным обручком. Им отрубали руку после неудачной битвы с каким-нибудь племенем внутренних районов материка, которое таким образом лишало пленных возможности быть воинами.

Сагунтцы равнодушно смотрели на этих врагов, превращенных в предметы, в животных в силу жестокого закона завоевания, и, забывая о турдетанах, говорили о городских раздорах, о борьбе местных партий, которая, казалось, была подавлена вмешательством римских послов. На ступенях большого храма еще видны были следы крови обезглавленных за расположение к Карфагену, а друзья Рима, которых было большинство, громко выражали одобрение энергичным действиям посланников великой Республики. Город теперь будет жить в мире и пользоваться покровительством Рима.

---

⁵⁷ Меняла – человек, занимающийся разменом и обменом денег, получая за это процент.

⁵⁸ Агора – у древних греков то же, что Форум у древних римлян, главная площадь.

Актеону, который прислушивался к разговорам, вдруг показалось, что среди толпы, спускающейся и поднимающейся по ступеням большого храма, он увидел пастуха, который минувшей ночью убил римского воина. Это было минутное видение: его черный плащ затерялся среди толпы, и грек остался в сомнении, не зная, действительно ли видел того незнакомца.

Наступал день. Актеон много времени провел в праздном шатании по рынку и подумал, что уже пора заняться делами. Так как ему надо было повидать Мокса, то он направился к Акрополю и стал подниматься по извилистым улочкам, вымощенным булыжником, с белыми домами, в дверях которых женщины пряли и ткали шерсть.

Дойдя до Акрополя, грек залюбовался циклопическими стенами, сложенными из громадных камней с редким искусством и прочностью. Это была колыбель города, память о спутниках Зазинто, поселившихся среди грубых местных племен.

Он прошел под широким сводом и очутился на обширной площади, окруженной стенами, которые могли укрыть столь многочисленное население, как в Сагунте. На этом громадном пространстве возвышались в беспорядке разбросанные общественные здания, являющиеся как бы воспоминанием той эпохи, когда город стоял на вершине и не спускался, расширяясь, к морю. За стенами начинались неизмеримые плодородные земли владений Республики, теряющиеся на юге у морского берега. Бесчисленные деревушки и виллы группировались по берегам Беатис-Перкес, а город, точно большой белый веер, раскинулся на склоне горы, огороженный стенами, через которые, казалось, вот-вот перескочат стиснутые ряды домов, украшенных садами.

Снова повернувшись к замкнутому пространству Акрополя, Актеон стал рассматривать храм Геркулеса. Рядом тянулся портик здания Сената, стояла мастерская для чеканки монет и храм, где хранились сокровища Республики. Здесь же виднелся арсенал, где граждане вооружались, а также казармы для наемников. И, господствуя над всеми этими зданиями, высилась башня Геркулеса, огромное циклопическое сооружение, которое ночью отвечало своими огнями приморским и горным спекулам, возвещавшим о тревоге или спокойствии всей сагунтской территории. Здесь же группа рабов под руководством греческих архитекторов заканчивала небольшой храм, который Сонника Богачка воздвигала в Акрополе в честь Минервы.

Сагунтцы, которые поднялись в Акрополь, чтобы спокойно полюбоваться своим городом, и наемники, которые чистили мечи и бронзовые кирасы у дверей своих казарм, с любопытством смотрели на грека.

Один сагунтец, благообразный, одетый по римскому обычаю, в красную тогу, и опирающийся на длинную палку, заговорил с ним. Это был мужчина почтенных лет, крепкий, но волосы и борода уже начали седеть. Во взгляде и в улыбке сквозила приветливость.

– Скажи мне, грек, – мягко спросил он, – зачем ты прибыл сюда? Не купец ли ты?.. Или, может, мореплаватель? Не ищешь ли ты для своей страны серебра, которое нам доставляют кельтиберы?..

– Нет. Я – бедняк, странствующий по свету. И я приехал, чтобы предложить свои услуги Республике в качестве воина.

Сагунтец печально качнул головой.

– Я должен был угадать это по дротуку, который служит тебе дорожным посохом... Воины!.. Вечно воины!.. В прежние времена в целом городе не было видно ни единого меча, ни единого дротика. Прибывали чужеземцы на своих кораблях, наполненных товарами, брали наши товары, нам давали свои, и мы жили в мире, воспеваемом поэтами. Теперь же приезжие – и греки, и римляне, африканцы и азиаты, – заявляются к нам с оружием. Будто свирепые псы, которые предлагают посторожить стадо, которое прежде мирно паслось, не боясь врагов. Видя все эти воинственные приготовления, наблюдая, как радуется сагунтская молодежь, говоря о последнем походе против турдетанов, я боюсь за город, за судьбу своих... Теперь мы самые

сильные, но не явится ли кто-нибудь, кто окажется сильнее нас и не наденет ли нас рабский ошейник с цепью?..

И с высоты стены старик смотрел на город с легкой грустью.

– Чужеземец, – продолжал он, – меня зовут Алько, а друзья мои прозвали меня Благоразумный. Старейшины Сената слушают моих советов, но молодежь им не следует. Я торговал, я объездил свет, у меня есть жена и сыновья, которые живут в достатке, и я глубоко убежден, что мир – это счастье для народов, и его необходимо поддерживать любой ценой.

– А я – Актеон, сын Афин. Я был мореплавателем, но мои корабли потерпели крушение. Я торговал, но потерял свое состояние. Меркурий и Нептун всегда обходились со мною, как отцы – с нелюбимым ребенком, без всякого сострадания. Я познал много радостных минут, но еще более страдал и теперь, почти обнищав, прибыл сюда, чтобы за деньги проливать свою кровь и тратить силу в битвах.

– Ты плохо поступаешь, афинянин: ты человек, а хочешь превратиться в волка. Знаешь ли ты, что больше всего мне нравится в твоём народе? То, что вы насмехаетесь над Геркулесом и его подвигами, зато воздаёте культ Афине Палладе. Вы презираете силу, чтобы поклоняться уму и мирным искусствам.

– Сильная рука стоит столько же, сколько и голова, в которую Зевс вдохнул огонь жизни.

– Да, но эта рука толкает голову на смерть.

Актеон почувствовал себя раздосадованным словами Алько.

– Не знаешь ли ты стрелка Мокса?..

– Ты найдешь его там, возле храма Геркулеса. Ты его узнаешь по оружию, которое он никогда не оставляет. Он один из тех, кто привлекает сюда злого духа войны.

– Что ж. Благодарю и прощай, Алько!

– Да покровительствуют тебе боги, афинянин.

Актеон узнал Мокса в доблестном греке с луком и колчаном, которые висели за плечами. Это был могучий мужчина, с длинной бородой, а седые волосы были скреплены вместо шнура воловьей жилой. Сильные и мускулистые руки своими выступающими сухожилиями давали представление о том напряжении, которое они испытывали, чтобы натягивать тугой лук и пускать стрелы.

Мокс отнесся к Актеону с почтительной симпатией, которую афиняне внушали своим превосходством грекам островов.

– Я поговорю с Сенатом, – сказал стрелок, узнав намерение Актеона. – Достаточно моего слова, чтобы ты был принят в наемники со всеми отличиями, какие заслуживаешь. Сражался ли ты когда-либо?

– Я воевал в Лакедемонии, под начальством Клеомена.

– Знаменитый военачальник. Сюда дошли слухи о подвигах спартанского царя. Что с ним случилось?

– Он был побежден, но не сдался и бежал в Александрию Египетскую. Там жил в изгнании под покровительством Птолемея, но, как мне недавно поведали в Новом Карфагене, вследствие придворных интриг Клеомен впал в немилость: египетский монарх велел его умертвить, и Клеомен, вместе со своими двенадцатью спутниками, лишился жизни. Когда он умирал, то видел пред собой груды трупов.

– Конец, достойный героя... Где ты изучал военное искусство?

– Я начал воевать на полях Сицилии и Карфагена в рядах наемников, а окончил свое образование в Пританее⁵⁹ Афин. Мой отец, Лисиас, был военачальником, состоявшим на

---

⁵⁹ Пританей – в Афинах здание, где проводились заседания пританов – группы дежурных участников государственного совета. Совет насчитывал 500 человек, из которых каждый месяц выбирались по 50 дежурных для решения текущих бюрократических вопросов.

службе у Гамилькара. Он был умерщвлен карфагенянами во время войны с наемниками, которую называют Непримиримой.

– Славная школа и доблестный отец. Имя его доходило до моего слуха в те времена, когда я скитался по свету прежде, чем поступить на службу к Сагунту... Добро пожаловать, Актеон! Если ты пожелаешь вступить в *гоплиты*⁶⁰, то будешь находиться в первом ряду фланга, с тяжелыми доспехами и длинной пикой... Впрочем, нет: вы, афиняне предпочитаете сражаться налегке; вы более опасны на бегу, чем в нанесении ударов. Ты будешь *пельтастом*⁶¹ со своим охотничьим копьем и легким щитом; ты будешь свободно сражаться, и я уверен, что о твоих геройских подвигах будут говорить.

Мимо прошло несколько старцев, которым стрелок почтительно поклонился.

– Это сенаторы, – сказал Мокс Актеону, – они собираются по случаю базарного дня. Многие из них прибыли в носилках со своих вилл и направляются к Акрополю. Они собираются под этой колоннадой.

Актеон видел, как сенаторы рассаживались в своих изогнутых деревянных креслах, подлокотники которых спереди заканчивались головой Немейского льва⁶². По лицам и одежаниям этих людей было заметно, что в городе существует серьезное разделение по национальностям. Сенаторы иберийского происхождения прибывали со своих полей бородатые, загорелые, в льняной кирасе⁶³ с шерстяной подкладкой, с коротким обоюдоострым мечом, который висел за спиной, и в колпаке из плотной кожи, похожем на шлем. Торговцы-греки являлись с выбритыми щеками, одетые в белую хламиду, из-под которой выступала обнаженная правая рука. Лента, будто диадема, охватывала их волосы. В руке у каждого был высокий посох, увенчанный шишкой. Они казались царями из поэмы «Илиада», собравшимися перед Троей.

Актеон увидел среди них гиганта с черной бородой и короткими, вьющимися волосами, которые покрывали его голову, точно волосяной митрой. В разрезах его красного одеяния проглядывало его атлетически сложенное тело с выступающими мускулами и напряженными жилами, которые, казалось, готовы были лопнуть.

– Это Тэрон, – сказал стрелок, – верховный жрец Геркулеса. Исключительный человек, который получил венок на Олимпийских играх. Он убивает быка одним ударом кулака в загревок.

Вторично Актеону показалось, что он видит среди людей, собравшихся возле Сената, кельтиберского пастуха, который с интересом рассматривал гиганта-жреца. Но стрелок продолжал говорить, и Актеон перевел взгляд на Мокса.

– Сейчас начнется совет, и я должен стоять возле трибуны в ожидании приказов. Ступай, Актеон, и жди меня на Форуме. Там ты найдешь моего сына. Или ты хочешь сказать, что не видел его на дороге? Я бы точно пошел с той рабыней, которая пасет коз Сонники. Не смущайся, Актеон, и не надо мне лгать. Я догадываюсь... Ох, этот мой сынишка! Этот пострел, который вместо того, чтобы работать, носится по полям, как беглый раб!..

И вопреки горестному тону, в речи лучника была заметна нежность и особое отношение, которых он не проявлял в отношении других своих сыновей, а только к этому непоседливому юному художнику, покидавшему родительский дом, чтобы целыми днями бегать по порту и ближайшим горам.

Оба грека распрощались, и Актеон снова направился к Форуму, причем, проходя Акрополь, подумал, что опять видит таинственного пастуха.

---

⁶⁰ Гоплит – у древних греков пеший воин в тяжелом доспехе.

⁶¹ Пельтасты – легкая пехота у древних греков. Вооружение этих воинов состояло из двух или даже трех дротиков, которые в бою следовало метать во врага. Также эти воины носили с собой небольшой щит, который назывался «пельта».

⁶² Немейский лев – огромный злой лев, которого убил Геракл, совершив таким образом свой первый из 12 подвигов.

⁶³ Древние доспехи, сделанные из нескольких слоев льняной ткани, склеенных между собой, назывались «линоторакс».

Подходя к портикам Форума, он услышал свистки и крики; кучки людей вертелись, смеясь и произнося оскорбления. Публика поспешно выходила из цирюлен и парфюмерных магазинов. Грек увидел группу молодых людей, роскошно одетых, которые спокойно, с презрительной усмешкой, проходили под бурей свистков и насмешек, вызываемых их появлением.

Это была золотая молодежь Сагунта: богатые юноши, которые подражали моде афинских аристократов, нелепо искаженной из-за отдаленности Афин и из-за отсутствия вкуса у подражателей. Актеон также невольно улыбнулся своей тонкой усмешкой афинянина, подметив неуклюжесть, с которой эти молодые люди подражали своим далеким оригиналам.

Во главе их шел Лакаро, щеголь, сопровождавший Соннику во время ее утреннего посещения храма Венеры. Они шли, одетые в ткани кричащих цветов и настолько прозрачные, что сквозь них просвечивали их тела, как сквозь туники, надеваемые гетерами во время пиршеств. Их тщательно выбритые щеки были покрыты слоем румян, а глаза увеличены черной подводкой. Волосы, завитые и умощенные благовонным маслом, были перехвачены шелковой лентой. У некоторых из них были в ушах большие золотые серьги и на ходу звенели невидимые браслеты. Другие лениво опирались о плечо кудрявых мальчиков-рабов с белыми шеями, которые походили на девочек округлостями своих форм. Точно не слыша оскорблений и насмешек толпы, молодые люди спокойно беседовали о греческих стихах, которые сочинил один из них: спорили об их достоинстве, о том, в каком тоне лучше аккомпанировать им на лире. Вполне удовлетворенные скандалом, вызванным их присутствием на Форуме, юноши приостанавливались лишь для того, чтобы погладить по щеке своего маленького раба или поприветствовать знакомых.

– Не говорите мне, что они подражают грекам, – ораторствовал перед собранием старик со злобным лицом и в грязном, заплатанном плаще учителя, не имеющего места. – Огонь богов должен пасть на город. Допустим, верно, что наш отец Зевс однажды был пленен красотой юного Ганимеда, но... а как же Леда и все бесчисленные красавицы, которые заполучили в свои лона огонь повелителя?.. Хорош станет мир, если мы, люди, наслушавшись историй о греческих богах, станем поступать, как эти глупцы, одетые по-женски! Они что, своим видом хотят привлечь внимание Зевса? Да поразит он их молнией! Из-за них люди будут думать, что все греки таковы. Хотите видеть грека? Вот он пред вами: этот настоящий представитель Эллады.

И он указал на Актеона, который заметил устремленные на него любопытные взгляды собравшихся.

– Как, вероятно, ты смеешься, чужеземец, глядя на этих несчастных, которые столь неумело стараются подражать твоей родине, – продолжал ораторствовать негодующий старик в нищенском одеянии. – Ты знаешь, я философ. Единственный сагунтский философ, и вследствие этого, как ты видишь, этот неблагодарный народ позволяет мне умирать с голоду. В молодости я был в Афинах, я обучался в ее школах, затем стал моряком и объездил свет, чтобы найти истину в самом себе. Я не придумал ничего нового, но я знаю все, что высказано людьми о душе и мире, и если желаешь, я скажу тебе наизусть целые статьи из Сократа и Платона и все изречения великого Диогена. Я знаю твою страну и стыжусь за свой город, видя в нем столько глупцов... Знаешь ли, кто виноват в этих чудачествах, которые нас бесчестят? Конечно, Сонника – та Сонника, которая которую называют Богатая, бывшая куртизанка, которая кончит тем, что превратит Сагунт в публичный дом, разрушив традиции города и строгие, здоровые нравы прежних времен.

При имени Сонники среди присутствующих поднялся ропот протеста.

– Видишь их?! – вскричал философ, все более возмущаясь. – Они лстивые рабы, которые трепещут перед правдой. Имя Сонники производит на них такое же действие, как имя богини. Видишь вон того юношу, который убегает? Ведь его отцу Сонника на днях одолжила солидную сумму без всякой для себя прибыли, с единственной целью, чтобы они могли купить

пшеницу в Сицилии. И поэтому он считает должным бежать оттуда, где говорится что-либо против Сонники. А взгляни на другого юношу, который повернулся спиной. Куртизанка дала свободу его отцу, бывшему рабом, и он не хочет слышать ничего, что оскорбляет Соннику. А эти остальные, которые более мужественны, не уходят, но глядят на меня так, точно хотят меня сожрать... Все они получили от нее милость и готовы были бы прибить меня за мои слова. Это рабы, которые защищают ее, словно милостивое божество. Каковы они, таково и большинство в Сагунте, поэтому-то судьи и не дерзают покарать эту гречанку, которая своими безумными выходками оскорбляет город. Идите сюда, бейте меня, торгаши! Колотите единственного носителя правды в Сагунте!

Присутствующие постепенно расходились, оставляя философа, который стоял, метая громы негодования.

– Тебе бы следовало быть более благодарным, – заметил с презрением один из последних слушателей, удаляясь. – Если тебе временами все же удастся поесть, то только за столом Сонники.

– Я буду у нее ужинать и этой ночью! – воскликнул философ с заносчивостью. – Но что ж из этого следует? Я ей в глаза скажу то же, что говорю здесь!.. И она, как всегда, станет смеяться. Вы же будете есть у себя по домам объедки, думая об ее пиршестве!..

– Неблагодарный! Блюдолиз!.. – проговорил уходящий, с презрением повернувшись к нему спиной.

– Благодарность – это собачье свойство, – возразил философ, – а человек доказывает свое превосходство, говоря худо о тех, которые ему покровительствуют... Если не хотите, чтобы философ Эуфобий был блюдолизом, так кормите его за его мудрость.

Но Эуфобий напрасно тратил слова. Все разошлись, присоединяясь к другим компаниям в толпе. Один только Актеон остался и с интересом изучал философа, как бы удивляясь тому, что в этом отдаленном городе встретил человека, столь похожего на тех, которые в Афинах расположились возле Академии, представляя собой философствующую чернь, голодную и мрачную.

Прихлебатель, увидев, что возле него нет никого, кроме грека, с силой схватил его за руку.

– Ты один достоин меня слушать. Ведь видно, что ты из Афин и что умеешь отличить заслуживающего внимания.

– Кто эта Сонника, которая возбуждает в тебе такое негодование своим поведением? Ты знаешь историю ее жизни? – спросил афинянин, желая узнать прошлое женщины, имя которой, казалось, было на устах всего города.

– Как мне не знать ее историю! Тысячу раз Сонника мне ее рассказывала в минуты тоски и скуки, которые у нее бывают весьма часто. Когда мне не удастся позабавить ее своими знаниями, и она чувствует потребность пооткровенничать, то рассказывает мне о своем прошлом, но говорит со мной с таким пренебрежением, точно беседует со своим псом. Это долгая история.

Философ приостановился и, подмигнув, указал на ближайшую открытую дверь, через которую виднелся прилавок, уставленный рядом амфор.

– В доме Фульвия нам будет лучше всего. Это честнейший римлянин, который клянется, что состоит во вражде с водой. Третьего дня он получил чудесное вино из Лаурона. Я отсюда слышу его аромат.

– У меня нет ни единого обола в кошельке.

Философ, который расширил ноздри, точно вдыхая винные пары, уныло поник головой. Затем с сочувствием посмотрел на грека.

– Ты достоин слушать меня. Ты беден так же, как и я среди этих разбогатевших торгашей!.. И, так как нет вина, идем: прогулка проясняет мысли. Я буду беседовать с тобой, как Аристотель со своими любимыми учениками.

И, направляясь вдоль портика, Эуфобий начал рассказывать то, что знал о жизни Сонники.

Она уверяла, что родилась на Кипре, на «острове любви» для мореплавателей. На эти берега, возле которых, по словам поэтов, из морской пены родилась прекраснейшая богиня Афродита, женщины острова выбегали ночью на поиски моряков, чтобы в память о богине предаться распутству. Последствием одной из таких встреч с гребцом было рождение Сонники. Она смутно помнила первые годы своего детства, протекавшие на палубе корабля. Прыгая с одной скамьи гребцов на другую, получая подачки и окрики, как корабельная кошка, девочка посещала многие порты, где были люди, различные по манере одеваться, обычаям и языку, но видела все это издали и неясно, точно сон, никогда не ступая ногой на твердую почву.

Прежде чем стать женщиной, Сонника стала любовницей хозяина судна, самосского капитана, который, пресытившись ею или соблазнившись крупным заработком, однажды ночью продал ее одному беотийцу⁶⁴, содержавшему публичный дом в афинском припортовом квартале, близ Пирея. Не прошло и двух лет, как маленькая Сонника приобрела известность среди проституток, которые наполняли ночью Пирей, главный центр афинской проституции.

Сменяющееся население города, состоящее из иностранцев, игроков и юношей, выгнанных из своих домов строгими отцами, стекалось в это предместье Афин, которое окружало гавани Пирея и Фалернскую бухту, образуя пригород. Как только спускалась ночь, весь этот люд, мятежный и порочный, собирался на большой площади Пирея, между городом и портом, где сновали проститутки, которым с наступлением сумрака разрешалось выходить из диктерионов⁶⁵, где их держали взаперти. Под сводами портиков площади кидали свои игральные кости игроки, спорили странствующие философы, спали бродяги, рассказывали о своих путешествиях моряки, и среди этого сборища разнородных людей проходили проститутки с накрашенным лицом, почти обнаженные или же в полосатых плащах ярких цветов, обличающих их африканское либо азиатское происхождение. Там выросла и воспитывалась юная дочь Кипра, ища каждую ночь какого-нибудь торговца пшеницы из Вифинии⁶⁶ или поставщика кож из Великой Греции⁶⁷, людей грубых и жизнерадостных, которые хотели прежде, чем вернуться на родину, порастратить часть своих барышей с куртизанками Афин. Днем она являлась неизменной добычей диктериона, здания захудалого вида, единственным украшением фасада которого служил большой фаллос, являющийся вывеской заведения. Здесь не было цепных собак, которых держат в большинстве приличных домов. Двери были всегда открыты, а когда приподымалась завеса из грубой шерстяной ткани, то взору гостя открывался внутренний двор, где у входов в комнаты сидел на корточках или на подушках весь живой товар диктериона: женщины, развращенные и истощенные любовным пылом, а также девочки, едва достигшие зрелости. Все обнаженные, так что на контрасте хорошо различались темная бархатистая кожа египтянок, бледная кожа гречанок и белая шелковистая кожа азиаток.

Сонника, которую тогда называли Мириной (имя, данное ей моряками)⁶⁸, утомилась от жизни в диктерионе. Все там были рабынями, которых беотиец бил палками, если они вызывали недовольство какого-нибудь посетителя. Ей было противно получать определенные законом Солона⁶⁹ два обола из этих мозолистых рук, которые, лаская, причиняли ей боль. В ней возбуждали отвращение люди всех стран света, грубые и жестокие, которые являлись, ища наслаждения, и уходили, удовлетворенные. Они беспрестанно сменялись новыми и новыми,

⁶⁴ Беотия – греческая область к северу от Афин.

⁶⁵ Диктерион – публичный дом в Древней Греции. То же, что лупанар в Древнем Риме.

⁶⁶ Вифиния – историческая область на северо-западе Малой Азии, на территории современной Турции.

⁶⁷ Великая Греция – древнегреческие торговые колонии на юге Апеннинского полуострова (то есть в Италии) и на Сицилии.

⁶⁸ Мирина – персонаж древнегреческой мифологии, царица ливийских амазонок.

⁶⁹ Солон (ок. 640–559 гг. до н. э.) – афинский государственный деятель, законодатель и поэт.

точно постоянная, повторяющаяся волна желаний, возбуждаемых суровой, полной лишений жизнью моряка. Ох, эти одинаковые прихоти и одинаковые требования.

Однажды ночью Мирина в последний раз посетила храм Афродиты Пандемос⁷⁰, воздвигнутый Солоном на большой площади Пирея. Как последнюю жертву, она возложила два обола перед статуями Афродиты и ее спутницы Пифо, двумя богинями куртизанок. Мимо этих статуй девушка проходила много раз с очередным клиентом, прежде чем отдаться ему на берегу моря или подле большой стены, выстроенной Фемистоклом⁷¹, чтобы соединить порт с Афинами. Но с прошлым было покончено! Мирина сбежала в город, стремясь к свободе и наслаждениям, желая стать одной из тех афинских гетер, чьей роскошной жизнью и красотой восхищалась издалека.

Мирина стала жить как свободные и бедные куртизанки, которых афинская молодежь за их крики называла волчицами. Вначале она целые дни оставалась без еды, но считала себя счастливее своих прежних подруг из Фалернской бухты или пригорода, жалких рабынь содержателей диктерионов. Теперь местом ее промысла был Керамик, обширное предместье Афин, расположенное вдоль стены у ворот Дипилон⁷², ведущих из центра города к саду Академии и к кладбищу – могильным памятникам славных граждан, умерших за Республику. Днем сюда приходили известные гетеры или же присылали своих рабынь посмотреть, написаны ли углем их имена на стене Керамика. Афинянин, который желал обладать какой-нибудь гетерой, писал ее имя рядом с многочисленными предложениями, и если он ей нравился, то она под надписью обозначала время свидания. При свете солнца здесь щеголяли богатые и знаменитые куртизанки, почти обнаженные, в пурпурных сандалиях, в цветных одеждах и с венками из свежих роз на пышных волосах, припудренных золотым порошком. Поэты, риторы, другие деятели искусств и просто знатные горожане прогуливались по зеленому рощицам Керамика.

С наступлением ночи место прогулки наполнялось толпой женщин, несчастных и обрванных, рассеивающихся среди могил великих граждан. Эти женщины представляли собой чернь афинского наслаждения, живущую на свободе и ищущую мрака. Здесь были состарившиеся куртизанки, которые под покровом ночи выходили зарабатывать хлеб на то место, где в прежние времена царили могуществом своей красоты. Здесь искали клиентов бывшие проститутки диктерионов, а также рабыни, которые убегали на несколько часов из дома господина, и простолюдинки, которые таким образом подрабатывали, чтобы помочь мужу. Прячась за памятниками, среди лавровых рощиц, они оставались неподвижными, как сфинксы, но как только в тишине Керамика раздавались мужские шаги, они выхолили со всех сторон, призывая окриками проходящего. Часто они убегали с безумной быстротой, узнавая сборщика подати, наложенной Солоном на продажных женщин и являющейся хорошим источником дохода для Афин. В полночь возвращающийся с пира прохожий, идя по Керамику, чувствовал вокруг себя движение, слышал вздохи невидимых существ. Поэты, смеясь, говорили, что это тени великих граждан, вздыхающих в своих глубоких могилах.

Так жила Мирина, проводя ночь в Керамике, а день – в лачуге старухи из Фессалии⁷³, которая, как и все старухи ее страны, слыла колдуньей, потому что помогала при разрешении от бремени, продавала куртизанкам любовные напитки и молодила лица тех, которые начинали блекнуть.

Чему только ни научилась маленькая волчица, живя подле фессалийки, костлявой и противной, как Парки. Девушка помогала растирать белила, которые, смешанные с рыбьим жиром,

⁷⁰ «Пандемос» переводится как «общая для всех людей».

⁷¹ Фемистокл (ок. 524–469 гг. до н. э.) – афинский государственный деятель, полководец периода греко-персидских войн. По его инициативе в Афинах были построены Длинные стены – оборонительные стены, соединяющие город с портом Пирей.

⁷² Дипилон – т. н. «Двойные ворота» в крепостной стене Афин с западной стороны. Система из двух ворот, соединенных коротким коридором.

⁷³ Фессалия – исторический регион на северо-востоке Греции.

сглаживали морщины на лице. Она делала муку из бобов для нанесения на грудь и живот, чтобы придать коже гладкость. Она наполняла баночки сурьмой⁷⁴, чтобы подводить глаза, растворяла кармин⁷⁵, чтобы легкими мазками окрашивать щеки, и, наконец, с глубоким вниманием выслушивала мудрые советы, на которые старуха не скупилась для своих питомиц, дабы они во всем блеске показывали свои совершенства и скрывали недостатки.

Старая фессалийка советовала женщинам низкого роста носить обувь с толстой подошвой, а высоким – обуваться в легкие сандалии и склонять голову к плечу, как будто из кокетства. Она изготавливала набивные накладки под одежду для худых и корсету для тучных. Она красила сажей седые волосы, а тем, у кого были красивые зубы, советовала жевать миртовую веточку для свежести дыхания и смеяться при малейшем слове.

Юная девушка пользовалась доверием старой фессалийки, открывавшей ей самые опасные области своих знаний: изготовление любовных напитков и применение волшебных заклинаний. За это старуха не раз она была преследуема Ареопагом⁷⁶, но зато самые богатые гетеры обращались к ней за советом, чтобы удовлетворить свои желания или чувство мести, и она предлагала им помощь.

Чтобы сделать мужчину бессильным или женщину бесплодной, следовало только дать им чашу вина, в которой плавал барбус⁷⁷. Чтобы завоевать неподатливого мужчину, надо сжечь пресную лепешку в огне, разведенном на ветках тимьяна и лавра, а затем подсыпать пепел мужчине в пищу и убедиться, что он ее съест. Чтобы превратить любовь в ненависть, нужно только идти за человеком, наступая на его следы и ставя правую ногу туда, где он ступил левой, причем следует приговаривать: «Стою на тебе, тебя попираю». Если требовалось вернуть охладевшего возлюбленного, старуха начинала катать по полу бронзовый шарик, который носила на груди, моля Афродиту таким же образом перекатить возлюбленного через порог. Если же заклинание не оказывало должного действия, она кидала в жаровню восковое изображение возлюбленного, моля богов, чтобы растаяло от любви холодное сердце так же, как тает его изображение. И наряду с этими колдовскими обрядами, сопровождаемыми таинственными заклинаниями, варились напитки из трав, могущие привести к смерти.

В одну весеннюю лунную ночь у Мирины произошла в Керамике встреча, позволившая навсегда покинуть лачугу фессалийки. Девушка сидела подле могилы, когда ее призывный крик, нежный и слабый, как жалоба, привлек мужчину, одетого в белый плащ. Судя по блеску глаз и неуверенности шагов, он был нетрезв. На голове у него был венок из подвядших роз.

Мирина узнала в нем благородного горожанина, который возвращался с пира. То был поэт Сималион, молодой аристократ, однажды награжденный венком на Олимпийских играх.

В этом поэте Афины видели повторение творческого вдохновения Анакреона⁷⁸. Красивейшие гетеры пели на пирах его стихи под звуки лиры, а добродетельные гражданки шептали их в уединении, охваченные душевным волнением. Самые известные красавицы Афин оспаривали друг у друга поэта, а он, тяжело больной с юности, как бы изнемогающий под бременем всеобщего обожания, укрывался в храме Эскулапа, когда кашель вызывал у него кровохарканье, или же отправлялся путешествовать по всем целебным источникам Греции и ее островов. Но как только поэт начинал чувствовать себя лучше, ощущал новый прилив телесных сил, то с отвращением бежал от врачей. Он спешил на пиры с купцами и деятелями искусств Аттики, проводил время среди известных гетер и хорошеньких флейтисток, переходя из одних объятий в другие, платя за ласки стихами, которые после долго повторялись целым городом. Все-

⁷⁴ Сурьма – природный краситель черного цвета.

⁷⁵ Кармин – природный краситель красного цвета.

⁷⁶ Ареопаг – суд в древних Афинах.

⁷⁷ Барбус – усач, так называются рыбы семейства карповых.

⁷⁸ Анакреон (Анакреонт, 570/559 – 485/478 до н. э.) – древнегреческий лирический поэт, один из Девяти лириков.

гда пламенный, он сжигал свою жизнь, точно факел, который в ночные празднества Дионисия проходил цепью по рукам вакханок до тех пор, пока не терялся в бесконечности.

Возвращаясь с одной из таких оргий, поэт встретил Мирину. Он, при свете луны заметив ее красоту, свежую, совершенную и почти детскую, невольно провел руками по глазам, словно боясь быть обманутым из-за опьянения. Это была как будто Психея, нежная возлюбленная Амура, с правильными и мягкими очертаниями тела, которые привели бы в восторг скульпторов Академии! Возможно ли встретить ее в месте, посещаемом грязными волчицами? Но поэт встретил! И испытал такое же удовлетворение, как после одинокой полуденной прогулки за городом, вдоль стены Фемистокла, когда удалось подобрать последние строфы к новой оде.

Мирина хотела повести его в лачугу фессалийки, но Сималион, смущенный видом тела слоновой кости, которое, казалось, светилось под изношенными одеждами, отвел ее в свой великолепный дом на улице Треножников, и там Мирина осталась в качестве госпожи, у которой в распоряжении есть служанки-рабыни и роскошные наряды.

Этот смелый поступок поэта поразил Афины. На Агоре и в Керамике только и говорили, что о новой возлюбленной Сималиона. Она пользовалась успехом забытого и затерянного в песке драгоценного камня, который неожиданно найден и сверкает в центре царской диадемы. Известные гетеры, которым никогда не удавалось всецело завладеть поэтом, негодовали, видя его соединенным тесными узами с юной девушкой из диктериона, которую знали многие бродяги Пирея.

На все большие празднества в храмах Аттики поэт возил ее в своей колеснице, запряженной тройкой коней с подстриженными гривами. По утрам он сочинял в честь Мирины стихи и будил ее, произнося их и осыпая ее ложе облаками цветов. Он задавал пиры приятелям, деятелям искусства, вызывая у них зависть и удивление, когда к десерту Мирина появлялась на столе – обнаженная, в великолепии чистой красоты, которая возбуждала в греках благоговейное волнение.

Верная Сималиону вначале из чувства благодарности, а после полюбившая поэта и его произведения, Мирина обожала его как любовника и как преподавателя, который обучал ее различным искусствам. Она вскоре выучилась играть на лире и читать стихи всех размеров, а также перечла всю библиотеку своего возлюбленного, чтобы блеснуть своими знаниями перед приглашаемыми к ужину образованными гостями и считаться среди афинских гетер самой умной.

Сималион, с каждым днем все более приходя в восторг от своей подруги, бездумно расточал свои жизненные силы и свое состояние. Он поручал привозить для нее из Азии тончайшие одеяния, расшитые фантастическими цветами, полупрозрачные и подчеркивающие перламутровую белизну ее тела. Он покупал для Мирины золотую пудру для волос, делающую ее похожей на богинь, которых поэты и художники Греции всегда изображали рыжими. Он поручал мореплавателям покупать египетские розы исключительной свежести, и все более худеющий, с блекнувшей кожей, кашляющий и задыхающийся в объятиях своей музыки, чувствовал, как убывают его силы.

Так прошло два года, вплоть до того осеннего вечера, когда, сидя на лужайке в своем саду и склонив голову на колени красавицы, он в последний раз слушал свои стихи, спетые нежным голосом Мирины под аккомпанемент лиры, по струнам которой скользили белые пальцы. Заходящее солнце горело на раскаленном копье Афины Парфенона⁷⁹. Слабая, будто детская, рука Сималиона с трудом удерживала золотую чашу, наполненную вином с медом. Он сделал усилие, чтобы поцеловать свою возлюбленную, но розы, венчающие его, вдруг стали осыпаться, покрывая дождем лепестков грудь Мирины. Вскрикнув, он закрыл глаза и умер на тех коленях, которым отдал последние дни своей жизни.

---

⁷⁹ Бронзовая статуя Афины стояла возле Парфенона, храма, возведенного в ее честь.

Молодая девушка оплакивала его с отчаянием вдовы. Она обрезала свои великолепные волосы, чтобы возложить их как жертву на его могилу, оделась в темную шерсть, как добродетельные афинянки, и оставалась безвыходно в своем доме, безмолвном и закрытом.

Но необходимость существовать и поддерживать ту роскошь, к которой Мирина привыкла, иметь колесницу для торжественных выездов, а также рабов и конюхов заставили ее подумать о своей красоте, и тогда самые выдающиеся гетеры встревожились из-за появления новой соперницы. В темно-рыжем парике, скрывающем остриженные из-за траура волосы, одетая в тонкие покровы, из которых выступала ее чудесная шея, обвитая жемчугом, и нежные руки алебастровой белизны, украшенные до плеч браслетами, она появлялась в высоком окне своего дома с гордым величием богини, которая ожидает поклонения. Богачи Афин с наступлением вечера отправлялись на улицу Треножников, чтобы лицезреть «вдову поэта», как ее язвительно прозвали посетители Керамика. Некоторые, более смелые или более пылкие, подымали указательный палец в виде немого вопроса, но напрасно надеялись получить от нее утвердительный ответ привычным жестом гетер, смыкающих большой и указательный пальцы в кольцо.

Очень немногим удавалось войти в дом знаменитой куртизанки. Поговаривали, что бывали ночи, когда в минуты тоски она открывала дверь своего дома тем юношам, которые лепили свои первые статуи в садах Академии или произносили свои стихи, еще не известные, праздным посетителям Агоры. Эти юноши могли оплатить любовь лишь несколькими оболлами или, самое большее, драхмой⁸⁰, а богачи, которые предлагали золотые статеры⁸¹ или несколько мин⁸², чтобы войти в дом, чувствовали себя бедняками, будучи не в состоянии удовлетворить свои желания.

Старые куртизанки с истинным благоговением рассказывали друг дружке на ухо, что один азиатский царек, проезжая через Афины, заплатил Мирине за одну ночь два таланта – сумму, сопоставимую с готовыми расходами одного из греческих государств, – и что такая крупная сумма совсем не произвела впечатления на красавицу гетеру. Мирина разрешила азиатскому поклоннику провести с ней столько времени, сколько требуется для истечения воды ее клепсидры, потому что устала, отдаваясь мужчинам, измерять время любви песочными часами. Слишком долго!

Баснословно богатые купцы, прибывая в Пирей, искали приятельских связей, чтобы проникнуть в дом Мирины. Они осыпали подарками странствующих деятелей искусства, друзей куртизанки, чтобы быть приглашенными на ее ужины. И не один из этих купцов, прибыв в порт с кораблями, нагруженными дорогими товарами, продавал их по бросовой цене еще прежде, чем разгрузить суда, чтобы только поскорее побывать в доме покойного поэта Сималиона. Купец возвращался на родину, принятый из милости на корабль, но довольный своей бедностью, видя зависть и уважение, которые внушал своим спутникам.

---

⁸⁰ Драхма – древнегреческая серебряная монета.

⁸¹ Золотой статер – в Афинах монета, равная 20 драхмам.

⁸² Мина – в аттической монетной системе это 100 драхм, но в Афинах мина составляла 70 драхм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.